

Александр Маренин

*Заметки
и
отдельные воспоминания*

ЛитРес:
Москва

12+

Александр Васильевич Маренин

Заметки и отдельные воспоминания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63919217

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-91972-3

Аннотация

Книга воспоминаний о детском возрасте, когда формируется отношение к будущей жизни и профессии, а также некоторые заметки из взрослого мира.

Александр Маренин

Заметки и отдельные воспоминания

Хотите – верьте, хотите – нет, но у меня большой жизненный опыт. Когда я произношу эту фразу, поучая своих взрослых детей, – они почти всегда начинают веселиться, несмотря на мое нравоучение. Они знают, что взрослым родителей слушаться необязательно, как и то, что решения лучше принимать им самим, вместе с тем и отвечать за эти решения. Также понимают, что родители обязаны выразить свое отношение к их действиям. Здесь ключевые слова: «отвечать» и «выразить». Отвечать – это неотъемлемая часть самостоятельности, а передавать опыт – обязанность каждого нормального человека.

Я, как и моя супруга, по-видимому, большие романтики. Всегда были готовы активно подключаться к чему-либо настоящему, уважаемому, знаковому. Наши дети видели это – и, по-моему, получились неплохими.

Мне, считаю, повезло – я с детства с уважением относился к своим родителям, но, как мне кажется, почти их не слушался. Вернее мне позволяли не слушаться. А еще точнее – прислушивались к моему мнению зачастую соглашались с ним. Я говорю повезло, потому, что не слушаться – это го-

лубая мечта всех детей. Мне практически было разрешено все, ну а я откуда-то знал, что мне запрещено, но уверен, что не только от них. Теперь их уже нет, но я благодарен им, что они мало воспитывали словами, но больше – своим примером и жизненной позицией. Не знаю, какое мнение на этот счет имеют мои старшая и младшая сестры, но мне кажется именно так.

Я никогда ничего у родителей не просил и редко спрашивал разрешение на что-либо. Они многого о моих делах и не знали. Много читал и возгорался в будущем быть участником интересной жизни. Книги были настоящие. Например, прочитанная в третьем классе книга «Небо войны» Покрышкина Александра Ивановича напрочь меня покорила – и я заболел авиацией, начал клеить из бумаги модели самолетов и твердо решил стать военным летчиком.

Забегая вперед, скажу, что военным летчиком мне стать было не суждено. Именно не суждено, поскольку как ни отговаривали меня родители от этой, с моей точки зрения, интересной профессии, а с их точки зрения – опасной, я по окончании школы подал документы в Харьковское высшее военное авиационное училище летчиков. Завернули меня на медицинской комиссии, обнаружив следы недавно перенесенной ангины. Гланды пришлось удалять немедленно, но последующая военно-медицинская комиссия предложила выбрать другое военное училище, кроме летного. Я переоформил документы в Казанское высшее Краснознаменное ко-

мандное танковое училище. В связи с этой заминкой попал во второй поток кандидатов, на вступительных экзаменах набрал неплохой бал, но весь поток из шестидесяти человек «пролетел» (за исключением троих, в число которых я не попал). Это произошло из-за неожиданно большого количества суворовцев, в последний момент пожелавших стать танкистами. Экзамены их не касались.

Неудача тем же летом вернула меня в авиацию, однако уже не в летный, а в инженерно-технический состав. Далее так сложилось, что служить пришлось не только в авиации. Работа и служба доставляли мне большое удовольствие и никак не тяготили, а наоборот, вызывали приятное ощущение причастности к самой сильной, справедливой и легендарной армии мира. Повезло принимать активное участие в создании и эксплуатации крупнейших объектов обороны в разных местах Советского Союза. Самое главное счастье состояло в том, что моя семья была мне крепким тылом и разделяла со мной радости и тяготы этой жизни.

В том, что меня из всего окружающего влекла исключительно военная тема, – нет никакого секрета. Я родился в семье военного в Алма-Атинском военном училище, выпускавшем десантников. Позже это училище было перебазируется в город Рязань. Когда я познакомился с книгой Покрышкина, меня окружала атмосфера прославленной 12^й гвардейской Уманьской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова танковой дивизии, прошедшей от Сталин-

града до Берлина, дислоцирующейся в шестидесяти километрах от того самого Берлина в городе Нойруппин. Нам, мальчишкам, везде был доступ, во все полки, солдатские клубы, полигоны, спортплощадки. Мы видели со всех сторон и боевую работу, и армейскую рутину. В кого как, но в меня это крепко впиталось. Тогда, мальчишкой, я ловил себя на мысли постоянной причастности к чему-то значимому.

Помню Карибский кризис 1962 года и боевую работу в 48^М гвардейском Вапнярско-Варшавском ордена Ленина Краснознаменном ордена Суворова и Кутузова танковом полку, в котором тогда служил мой отец. Мы, мальчишки, казалось, тоже были участниками тех событий. Смотрели, как готовили боевые машины, видели как загружают в них боекомплекты и отправляются на боевые позиции. Крутились между военными, и нас никто не гонял. Теми ночами мы оставались в домах с матерями. Баррикадировали входные двери, подпирая их нехитрой казенной мебелью, спинками и сетками кроватей, поскольку поступали угрозы и имелись случаи нападения на семьи военных. Мужики дома не ночевали, были круглосуточно в полной боевой готовности. Полк стоял в двух километрах северо-восточнее города Нойруппин на окраине города Альтруппин, рядом был небольшой жилой городок для семей военнослужащих, огороженный дощатым забором и состоящий из нескольких разной этажности домов.

Поначалу семьи готовили к эвакуации в Союз. Эвакуацию

планировали через Чехословакию. Через Польшу ближе, однако там было неспокойно. Мы было уже начали сушить сушари, но все закончилось и, что самое главное, быстро исчезли угрозы со стороны наиболее одаренных немцев. Стало возможным ходить и ездить куда угодно, что не в первый и не в последний раз подтвердило ничтожность продажных, злых и безмозглых людей, которые только во времена нестабильности способны реализовать свои скудные таланты.

Вскоре мы переехали в двухэтажный дом, расположенный на территории штаба дивизии в городе Нойруппин на Карл-Либкхнет штрассе. Это был практически центр города. Тут для нас, пацанов, кто жил рядом, был просто рай. Город был небольшой, но очень уютный с достаточно древней историей, на берегу озера Руппинер-зее. Здесь пролетело пять лет моего и моей младшей сестры детства.

По одну сторону от территории штаба дивизии располагался 200^{-й} гвардейский Фастовский ордена Ленина Краснознаменный ордена Суворова и Богдана Хмельницкого мотострелковый полк, его территория выходила на озеро. Между территорией штаба дивизии и мотострелковым полком находился небольшой молокозавод, из ворот которого постоянно вытекала бело-прозрачная жидкость и шел специфический кисловатый запах. К молокозаводу постоянно подъезжали и отъезжали грузовые машины с kloкочущими двигателями, что явно отличалось от ровно гудящих наших ГАЗов и ЗИЛов, а также от ровно рычащих дизельных двигателей наших

боевых машин.

По другую сторону на Фербелинерштрассе дислоцировался 75^{-й} гвардейский зенитно-ракетный Демблинско-Померанский ордена Суворова и Кутузова полк.

Я намеренно воспроизвожу полные наименования частей, поскольку тогда в наших головах витали их боевые пути, а большинство офицеров были участниками Великой Отечественной войны. Они мало что рассказывали, однако мы видели их работу.

На стрелке Фербелинерштрассе и Юнкерштрассе стоял двухэтажный дом, который занимал пятый магазин военторга. В трехстах метрах от магазина на Юнкерштрассе находилась школа №29 Группы Советский войск в Германии. Также от военторга начиналась центральная улица города Карл-Маркс-штрассе. С другой стороны километра через полтора она упиралась в дивизионный Дом офицеров. Далее дорога шла на город Альтруппин, на окраине которого дислоцировались 3 танковых полка: 353^{-й} гвардейский Вапнярско-Берлинский ордена Суворова и Кутузова танковый полк, 332^{-й} гвардейский Варшавский Краснознаменный ордена А. Невского танковый полк и уже ранее упоминавшийся 48^{-й} танковый полк.

На северо-запад в километре от Дома офицеров дислоцировался 730^{-й} авиационный полк истребителей-бомбардировщиков.

Рядом с каждым полком имелись жилые городки для офицеров и их семей. Я не помню, чтобы мы знали чьи-то адреса. Если надо было сказать, где ты живешь, то говорилось, например: «в хозяйстве Колесникова» (называлась фамилия командира). Да и адреса были ни к чему, поскольку почта приходила в воинскую часть. Сами воинские части имели условное наименование, например, не в/ч 48440, как в Союзе, а п/п 48440, т.е. полевая почта 48440. Полные наименования воинских частей являлись секретными, их можно было услышать только в служебной обстановке или на торжественном мероприятии на территории части, прочитать на развернутом боевом знамени или увидеть в комнате боевой славы.

Также семьи проживали и в отдаленно стоящих от гарнизонов домах. Такие дома называли, например, «Центральная гостиница» (вблизи медсанбата, располагавшегося в западной части города) или «Промежуточная гостиница» (вблизи Дома офицеров).

Все постройки, в которых располагался наш гарнизон, – большей частью наследие Фридриха Великого. Эти кирпичные здания капитальной помпезной немецкой архитектуры во все времена использовались под гарнизоны, за исключением постсоветского времени. Сейчас там гражданские учреждения, заборы разобрали, но называются эти районы в народе по-прежнему «Garnison».

Таким образом я перечислил места, где мы, пацаны, про-

водили свободное от школы время, не считая самого города, пригородных лесов, прекрасного озера с рыбалкой и купанием.

Территории воинских частей, как я уже отмечал, не были для нас закрыты, однако был случай, связанный с карантинном из-за гриппа. Мы с моим другом Сергеем Фотиным пришли на КПП зенитного полка, чтобы пройти в клуб. Дежурный по КПП сказал, что нельзя, карантин. Тогда мы отошли от КПП метров на сто и перелезли через забор. Как и полагается по закону жанра, в десяти метрах от нашего приземления стоял дежурный по полку и с ним солдат. Пока мы сообщали, они нас схватили и повели в сторону КПП. Несмотря на то, что дежурный прямо сказал, что это нам так просто не пройдет, мы думали, что они нас просто выгонят с территории части и все. Однако рядом с КПП находилась гарнизонная гауптвахта – и нас завернули в ее двери. Дежурным по полку был молодой лейтенант, и, по-видимому, он решил нас попугать. На гауптвахте дежурным по караулам тоже был молодой лейтенант, и он, похоже, тоже был не прочь проучить нас, как лазить через забор в боевую часть. Он сказал: будете сидеть, пока не придет начальник гауптвахты, а тот еще добавит нам недели две. Отвел нас в камеру и приказал часовому строго за нами приглядывать. Тот и правда периодически открывал глазок в двери и рассказывал, как нас будут наказывать и сколько нам тут сидеть.

Гауптвахта строилась еще при Фридрихе в XVIII веке

именно как гауптвахта, т.е. все было классически – и планировка, и оснащение внутри камер. Эта была моя первая встреча с такой классикой воинского наказания и последняя, поскольку, забегая вперед, за всю мою последующую службу в разных местах Советского Союза встречался только с переделанными для этой цели помещениями. За исключением, может быть, гауптвахты Московского гарнизона, где сидел Берия (видел его камеру) и которая также является жалким подобием нашего с Сергеем временного пристанища. Не подумайте плохого, я много чего видел, но сидел «на губе» только один раз. И то в детстве.

Мы развернули пристегнутую к стене шконку, сели на нее. У Сергея в кармане был металлический шарик. Шарик различных размеров продавались везде, у немцев большинство игр связаны с катанием шариков. Мы начали перекатывать этот шарик по шконке. Через некоторое время открывается дверь, заходит выводящий, отбирает шарик и разводит нас по разным камерам, вернее уводит меня в другую камеру. Часовой продолжает рассказывать страшилки, подглядывая в глазок. Не знаю как Сергей, но я тут немного загрустил и представил, что будет, если я завтра не смогу прийти в школу. Почему-то о родителях, которые будут волноваться, куда пропал их сын, я, по-моему, не переживал. Через какое-то время нас с Сергеем опять соединили – в карауле скука известная, а тут какое-никакое развлечение.

Было уже совсем недалеко до полуночи, и, наконец, при-

шел начальник гауптвахты. Это был старший лейтенант. Его, наверное, вызвали, поскольку что ему тут делать на ночь глядя. Он и вправду был зол. Перед тем, как он нас обругал, мы слышали, как и другим досталось. А поскольку он уже давно не лейтенант и давно вышел из детского возраста, то нас он просто выгнал на свободу. Не знаю, как Сергей, но я родителям ничего об этом говорить не стал. Он, наверное, тоже не стал, поскольку эта тема у нас в разговорах не возникала. Наши родители дружили и частенько собирались по торжественным и другим случаям.

Отец Сергея был начальником танкового полигона, заядлым охотником, делавшим со своей супругой из добычи очень вкусную колбасу, умел показывать фокусы с картами. Карты у него в руках ловко появлялись ниоткуда и так же исчезали. Как-то Сергей пообещал достать через него для меня трубчатый порох. Мы с другим моим приятелем, тоже Сергеем, но Шамовым, на тот момент смастерили ракету из плотного картона, обклеили ее изнутри и снаружи металлической фольгой и были уверены, что она долетит до Луны. И не просто долетит, а долетит с котом Барсиком, для которого сделали отдельный отсек в верхней части ракеты. Дело оставалось за трубчатым порохом.

Слава Богу, что с порохом, тем более в таком количестве, ничего не вышло, в противном случае я бы сейчас ничего не писал, а кот бы не стащил у матери мясо, из которого она собиралась сделать пельмени и не отдали бы его за это на

полигон к Сережкиному отцу.

Порох я все же нашел. Ковыряя палкой землю у отместки дома, где мы проживали, наткнулся на пистолетный патрон, поковырял дальше и выкопал их больше сотни. Из части патронов мы с Шамовым вытащили пули, высыпали порох и подожгли. Удовольствия мало. Тогда разожгли костер и бросили туда несколько патронов, отойдя подальше, чтобы пуля или гильза не попали по лбу. Патроны взорвались, но эффекта не вышло. Костер даже не шелохнулся. Куда интереснее закладывать в костер каштаны. Те взрываются, как бомбы, раскидывают дрова, вздыбливают горящую золу, а если в темноте, то это подобно фейерверку.

В фейерверках и вообще в игре с огнем немцы толк знали, однако на мелочи не разменивались, любили зрелище. Так, например, перед Новым годом 30 декабря на площади Schulplatz в магазине у Шмидта, что тогда был слева за фонтаном, можно было купить пиротехнику (по две ракеты и по две коробки петард в руки). Ровно в полночь на Новый год жители выходят и разом запускают в небо всю ранее приобретенную пиротехнику, взрывают петарды. Это продолжается не более десяти минут, но эффект того стоит. После этого тихо, как и до того.

Даже в наших русских головах редко возникала мысль погреть, когда нам вздумается. Как правило, мы, несмотря на то, что встречали Новый год по московскому времени, тратили запасы пиротехники вместе с немцами. Были, ко-

нечно, и исключения. Однажды мы с друзьями после встречи Нового года по московскому времени (с лимонадом) отправились в центр города и стали бросать петарды на балконы немцев, а те выбегали и кидали с балконов свои петарды на нас. Кончилось это тем, что, навеселившись, мы пошли в комендатуру, при которой была пара жилых домов для семей офицеров и где в тот раз вскладчину отмечали праздник наши родители. На входе нам встретился солдат комендантского взвода, он увидел в руке одного из нас ракету, отнял, поджег – и получился фейерверк. Хозяин ракеты страшно обиделся, убежал домой и какое-то время переживал.

Другой раз после всеобщего шоу мы в компании моих родителей и их друзей прогуливались по пустынному городу (немцы не любят попусту гулять – сделали дело и домой). У одного из них был армейский взрывпакет. Он его бросил на брусчатку Карл-Маркс штрассе. Городской каменный мешок многократно усилил эффект, на мгновение мы все оглохли.

За остальные случаи не скажу – это уже было не со мной.

Еще одна игра с огнем – это факельные шествия. В ГДР на их государственный праздник 7 октября посреди центральной площади города складывали пирамиду для костра из различных деревянных предметов. Вечером на северо-восточной окраине города формировали колонну. Участвовать мог каждый, тут же купив стандартный факел, представляющий собой полуметровый деревянный черенок, на треть которого насажена армированная черная прорезиненная труб-

ка. Прибывших полицейские выстраивали в колонну, выходить со своего места никто не имел права, за этим следили. Факел разрешалось зажигать только в колонне перед движением, разжигался он долго, однако горящий потушить было уже невозможно. Колонна двигалась по центральной улице до площади. Я два раза участвовал. Первый раз, когда дошел до костра и остановился на мгновение, тут же возник полицейский, вырвал у меня факел и бросил его в костер. Оказывается надо было это сделать не мешкая. Во второй раз я это уже сделал как надо.

Та самая площадь, на которой только что полыхал костер, представляла собой квадрат с вытоптаным земляным покрытием размером приблизительно 100 м на 100 м. Одну сторону ее ограничивала центральная улица Карл-Марксштрассе, другие три – второстепенные улицы длиной не более 3 или 4 кварталов. Застройка вокруг площади состояла из двухэтажных жилых домов. На первых этажах находились магазины, разные другие заведения и фотография, в которой мы каждый год перед летними каникулами фотографировались всем классом. У немцев первые этажи не принято было использовать под жилье, да и назывался он не первый этаж, а Erdgrunde. Второй этаж имел нумерацию, как у нас первый.

Площадь использовалась и под другие общегородские мероприятия. Часто на ней разворачивались кочующие по городам цирки, зверинцы, передвижные аттракционы или, как мы их называли, карусели. Самым крупным событием было

развертывание Луна-парка, как бы сейчас сказали, в конце октября каждого года. Это всегда совпадало с нашим празднованием Дня Великой Октябрьской социалистической революции. Обязательно строилась американская горка, множество различных каруселей, из которых самой популярной была «Танцующая пара», поскольку посредине аттракциона стояла скульптура мужчины и женщины, слившихся в танце. На круглой платформе, постоянно меняющей угол наклона, с бешеной скоростью крутились тележки с веселившимися гражданами, одновременно еще и вращающимися вокруг собственной оси.

Чертово колесо было гораздо меньших размеров, чем привычное нам колесо обозрения, но крутилось оно быстро и не на один оборот.

Комната страха, где на вагонетке тебя возят по темным закоулкам, пугают скелетами и другими страшными персонажами. Непременно выстраивалась американская горка, различные лотереи с розыгрышем призов, тире со стрельбой с четырех метров из пневматического ружья по нанизанным на металлические штыри гипсовым макаролинам. На определенном количестве макаронин вывешивались призы, часто достаточно необходимые в хозяйстве. Чем ценнее приз, тем больше макаронин надо разрушить, однако при удачной стрельбе разбить одну удавалось не менее чем двумя выстрелами. Все зависело от меткости. Нередко замечали, как некоторые хитрые хозяева сотрясают прилавок в нужный момент,

толи шутя, толи из жадности. Кто их, немцев, поймет? Известно, что немцы любят шутки делать, а русские – большей частью рассказывать.

Однажды, будучи в компании своих сверстников, я отстрелялся на зависть даже самому себе. На следующий день ребята скинулись и доверили мне настрелять для них нужных безделушек. В основном спрос был на ежиков, в губы которых вставлялись игрушечные сигареты. При поднесении к ним горящей спички сигареты начинали тлеть и пускать дым кольцами. Толи от волнения за оказанное доверие, толи еще от чего, но хорошей стрельбы у меня в этот раз не получилось. Не помню, чтобы кто-то упрекал меня за это, но я очень переживал.

О добытом в тире мы говорили: «выстрелил». Если купил скрученную бумажку в развернутой на боковой стороне вагончика лотореи и при вскрытии обнаружил на ней номер, соответствующий номеру на одном из призов, выставленных на витрине, то так и говорили: «выиграл в лотерею».

Были еще и такие, где надо попасть теннисным шариком в небольшую пластмассовую воронку, которая качается на витой проволочной спирали, надетой на горлышко бутылки с вином, шнапсом или другим напитком. Круглая ступенчатая платформа сплошь заставлена бутылками, и, казалось, трудно промахнуться – не в одну, так в другую попадешь. Так бы и было, кабы воронки не пружинили, а шарик не отскакивал. Никогда не выиграешь то, во что метил. Только в результате

случайных отскоков шарик на излете, потеряв кинетическую энергию, мог попасть в какую-нибудь воронку, но это редко.

Всего вряд ли можно перечислить, но неизменно всегда на краю площади на мангалах жарили сосиски и продавали их на бумажных тарелках, обильно смазывая горчицей.

Самое замечательное то, что площадь находилась в одном квартале от того места, где мы жили. Поэтому ни одно мероприятие на ней не могло пройти нами не замеченным.

Город был построен так, что юго-восточная его часть опиралась на озеро, а его центр словно подкова обрамляли скверы, густо усаженные вековыми деревьями, в значительной части дубами. В северо-западной части скверы переходили в длинный зеленый вал, состоящий во всю длину из нескольких параллельно вырытых оврагов. Он так и назывался «Зеленый вал». В средние века эти фортификационные сооружения служили для защиты от неприятеля.

Карл-Либкнехт штрассе, на которой мы жили, идущая от озера до Карл-Маркс штрассе, была частью зеленой подковы скверов.

Осенью в ознаменование начала учебного года нам первым делом давали задание собирать желуди и сдавать на приемный пункт в школе. Минимальную норму я не помню, но носили сумками килограммов по 5, если не больше. Собирали в скверах, лесах, на зеленом валу. В танковых полках были подсобные хозяйства, там держали свиней, а желуди – для них самая лучшая еда. Их выкармливали, сдавали на мясо-

комбинат, на счет воинской части поступали деньги, а уже за эти деньги закупались необходимые продукты для усиления питания солдат дополнительно к норме их довольствия.

Немцы в это время также открывали пункты сбора желудей, дубов было много – и желудей на всех хватало.

Также под сезон созревания ягод открывались пункты их приема. Принималось по цене выше, чем продавалось в магазинах, остальное датировало государство. В основном это была черника, ее в лесах было много, и собирать ее, как мне казалось, было не так трудно. Я легко набирал двухлитровый бидон и еще столько же отправлял в рот, приезжая домой с черным языком и такими же губами. Взрослые работали покрупному и привозили по ведру. После этого мама неизменно делала вареники с черникой.

Мне могут возразить, что бидон бывает трехлитровый. У нас да, а у немцев по-другому, они люди экономные. У них и цены в магазинах на развесной товар были проставлены не за килограмм, как у нас, а за полкилограмма. С этим же бидончиком мы ходили и за молоком. Два литра молока стоили одну марку тридцать шесть пфенингов. Хлеб стоил пятьдесят пфенингов. Выпекали его в магазине через дорогу, можно было взять прямо из печи. Назывался он межброд, поскольку был смешан из ржаной и пшеничной муки.

Жвачку можно было купить в любом киоске. Мороженое продавали на развес, раскладывая его в вафельные чашечки. Если два шарика – давали в одной чашечке и в придачу

пластмассовую лопатку со сказочным человечком на конце ручки. Если берешь три шарика, то накрывали еще одной чашечкой и никакой лопатки не давали. В этот момент всегда вспоминался наш пломбир или даже сливочное, которые были вне всякой конкуренции.

Остальные продукты покупали в военторге, поскольку советские продукты очень сильно отличались от немецких в лучшую сторону.

Немцы охотно ходили в наш магазин. Они в большинстве своем неплохо говорили по-русски – особенно те, кто по своей деятельности общались с нами. За исключением Шмидта, у которого перед Новым годом покупали пиротехнику. Он торговал в основном сувенирами, нарочито не выказывал, что хоть немного понимает по-русски и, похоже, был просто большим шутником.

– Покажите, пожалуйста, вон тот подсвечник.

К слову говоря, подсвечники и все, что олицетворяло старину, в то время были не в моде. Родители купили за небольшие деньги с рук пианино, чтобы учить музыке мою сестру. Это был очень качественный немецкий инструмент девятнадцатого века, на передней панели были два старинных бронзовых подсвечника. Эти приспособления были немедленно удалены, вызван мастер, чтобы профессионально заделать образовавшиеся отверстия и заполировать их. Сейчас за этот раритет отдали бы немалые деньги.

Однако вернемся к нашему Шмидту.

– Diese?, – говорил он и показывал пальцем совсем на другое.

– Нет, вон тот, – покупатель тоже указывал пальцем.

Тогда он подносил свой палец к пальцу покупателя и вел от него по воздуху, но прикасался опять не к тому, чем заинтересовался покупатель, а к рядом стоящему предмету. Две, три попытки – и он все же находил нужную покупателью вещь.

У меня как память до сих пор хранится бинокль, купленный у него.

Магазины, парикмахерские, фотоателье и другие заведения обслуживания были частными, и характерные особенности их – это внимательность и некоторая назойливость персонала. Войти в магазин, чтобы «продать глаза», было почти невозможно, к тебе тут же обращались, за исключением тех случаев, когда продавец был занят другим покупателем. Если заинтересовавшая тебя вещь не подходила по размеру или по другой причине, то до бесконечности были готовы предлагать различные варианты. Тогда это для нас было непривычно, как и то, что забытый в магазине кошелек, спохватившись на следующий день или позже, можно было обнаружить в том же магазине на самом видном месте.

Постригшись в парикмахерской, я вышел на улицу и, проходя мимо витрины, рукой провел по волосам. Не успев пройти и десяти метров, был схвачен за руку. Парикмахер, произнося какие-то слова, снова затащил меня, усадил в

кресло, причесал, что-то сказал и показал жестом, чтобы я больше не портил его работу. Далее было еще интереснее. Когда я снова вышел на улицу и прошел уже метров двадцать, передо мной на тротуаре лежал бумажник. Я его поднял, он был туго набит деньгами. Никого поблизости не было. Тут же я положил его на прежнее место и пошел дальше, понимая, что хозяин хватится и вернется за ним.

Десять лет спустя я получил алаверды. Из-за погодных условий вместо Кишинева пришлось приземлиться в Симферополе и провести ночь в кресле аэропорта. Бумажник был в заднем кармане брюк, кресло было «ракушка», т.е. с прорезью в нижней части спинки. Бумажник вывалился на пол. Я спал, когда меня разбудил проходящий мимо пассажир и указал на мою потерю. Но все-таки за свою халатность я должен был как-то расплатиться – пошел в телефонную будку, чтобы позвонить, и оставил там перчатки. Когда вспомнил и вернулся – их там уже не было.

Брать чужое к добру не приводит, а в Германии это считалось самым позорным делом. Хотя для чего-то на всех велосипедах висели замки, чего у нас в Союзе тогда не было. Велосипеды были почти у каждого. У магазинов или других заведений обязательно была стойка для велосипедов, к которой их пристегивали. Если оставишь велосипед не в стойке, а в другом месте, то в большинстве случаев через некоторое время его там не найдешь. Однако адрес, где его искать, был известен – в полиции. Там же все велосипеды, как машины

и мотоциклы, регистрировались с присвоением им государственных номеров. Полицейские были в авторитете. Не знаю как насчет уважения, но их слушались.

Велосипед тогда был чуть ли не основным средством передвижения. На большинстве, казалось бы, и так нешироких городских улицах, с обеих сторон дороги были отдельно вымощены более мелким камнем велосипедные дорожки. Будничный вид города представлялся таким: единичное движение автомобилей и велосипедистов, небольшое количество прохожих, среди которых часто выделялись люди, словно сошедшие со страниц сказок Андерсена. Черный костюм, черный цилиндр, небольшая лестница на плече, гиря и шомпол. Костюм обязательно был застегнут на все пуговицы. Дань ли это немецкой традиции, но то, что эта профессия была в то время одной из важнейших и востребованных, – несомненно. Все дома центральной части города были построены много веков назад и имели печное отопление. Печи и каминны топили брикетами из бурого угля. Продолговатые с гладкой и блестящей поверхностью они почти не оставляли на руках черных следов. Чтобы их разжечь, достаточно было скомкать газету, подложить под брикеты и поднести спичку.

Наша квартира находилась в двухэтажном здании на втором этаже и имела два входа из помещений первого этажа, т.е. две лестничные клетки вместе с подлестничным пространством были частью квартиры. В одно из этих подлестничных пространств мы складировали брикеты, натаскивая

их ведрами из цокольного этажа рядом расположенного штаба дивизии, где была оборудована кочегарка. Топка печи не представляла большого труда, грязи от нее никакой не было, если не считать постоянно стоящего у ее дверцы ведра с брикетами, щипцов, совка и кочерги.

Однажды пришлось печь частично перекладывать и менять облицовочную плитку, для чего был приглашен немец-печник. Первым делом он перестроил наш радиоприемник с Московской радиостанции на свою волну. Работал очень аккуратно, не давая распространиться пыли и мусору далее своей зоны труда, без конца замечая и делая влажную уборку вокруг своего рабочего места. Мне настолько тогда доставило удовольствие наблюдать за его работой, что до сих пор стараюсь следовать его примеру. Печки, правда, я никогда не выкладывал, но это неважно. А у той печки любил греться с книжкой в руках.

После представления вида города в будни напрашивается и его описание в выходные дни. Здесь все еще проще. В выходные он почти вымирал, никто не суетился, не ходил по магазинам.

Летом берега озер расцветали палатками, а сами озера – парусами яхт. Несколько озер соединялись в одно целое посредством шлюзов. На рейсовых теплоходах можно было отправиться через одно, два или три озера в любую понравившуюся зону отдыха.

Однако основное время, несомненно, тратилось на дела

согласно с профессией и возрастом. Взрослые занимались своей профессиональной деятельностью, дети – изучением школьных предметов и развитием через кружки, спортивные секции, художественную самодеятельность. И если о кружках и спортивных секциях в тогдашнем понимании сегодня еще что-то слышат, а иногда и видят, то о последнем уже почти не помнят.

В ГСВГ художественной самодеятельности уделяли особое внимание, в нее были вовлечены многие: от солдат до офицеров с их женами и детьми. Проводились полковые смотры, победители выдвигались на дивизионный смотр, а победители дивизионного смотра ехали на армейский смотр. Я мог бы продолжить и далее, но как участник доходил только до армейского смотра художественной самодеятельности и то только один раз. Возили нас в Фюстенберг, где тогда располагался штаб второй танковой армии. Мы с моим напарником Чичеватовым дуэтом пели песню «То березка, то рябина». Концерт я смотрел из-за кулис, поскольку зал был переполнен, а потом, когда надо было уже быть в автобусе, – оказался в буфете, и меня искали.

Через некоторое время нашу дивизию передали в третью танковую армию, штаб которой находился в городе Магдебург. Однако к тому времени мои вокальные таланты естественным образом закончились из-за ломки голоса. Правда я учился играть на баяне. Для этого в Доме офицеров брал уроки у баяниста Валентина Ваганова. Он был профессио-

нальным музыкантом, выучил меня нотной грамоте и задавал на дом разучивать по нотам разные произведения. Через год или полтора я уже играл множество, в том числе и достаточно сложных вещей, но начисто был лишен, как сейчас бы сказали, импровизационного таланта. А по-русски – не был слухачом. А по сему в этом качестве не стремился к успеху.

Кроме того, к Дню Победы, к годовщине Великого Октября и к Международному женскому дню готовились концерты. Но сначала была торжественная часть, где произносился доклад, в торжественной обстановке награждались отличившиеся, а затем в зрительный зал Дома офицеров входили пионеры. Впереди Знамя пионерской организации, горнисты и барабанщики. Пионеры выстраивались на сцене перед столом президиума собрания и произносили поздравления, поочередно передавая слово друг другу. Это называлось «монтаж». Прошло уже более полувека, а я помню свои слова, которые произносил, поздравляя женщин с Международным женским днем. Мои коллеги-пионеры со сцены развивали тему, как важен домашний труд женщин и как справляются с ним мужчины 8 Марта. Очередь говорить мне;

– Пока жарились котлеты, суп с кастрюли убежал...

Тут в зале поднялся смех.

– И увидев папа это, сразу в обморок упал.

Я был плохим артистом, не знал, что надо было выдержать паузу – и, по-моему, последняя строка произносимого мной стихотворения утонула в этом хохоте.

Все барабаны, горны и Знамя пионерской организации закрепили за каждым, кто не успел сбежать, чтобы те утром сдали их в школьную пионерскую комнату. Мне вручили барабан. Однако тот, кому досталось Знамя, попросил меня с ним поменяться. Поскольку я никогда не горел желанием быть барабанщиком, согласился и после концерта свернул Знамя и через весь город пошел с ним домой. К тому же мне доставило немалое удовольствие, а вернее вызвало гордость, что Знамя какое-то время находилось у меня дома. Я его воспринимал как частицу боевых Знамен воинских частей.

Школа состояла из двух рядом стоящих двухэтажных зданий. Главное здание и дополнительное, поменьше, где было только несколько классных комнат.

Главное здание имело два крыла. Посередине на первом этаже располагался спортивный зал, перейти в правое крыло можно было только через него. Сразу за спортивным залом находился буфет.

Учителями работали частью жены офицеров, имеющие педагогическое образование, а также вольнонаемные педагоги, оформленные через военкоматы своих городов. С огромным уважением вспоминаю о них.

Также в школе работали две немецкие женщины, одна из которых подавала звонки и натирала полотером паркетные полы в классах и коридорах. В обязанности дежурных по классам входило только подмести мусор после окончания уроков. Другая женщина работала буфетчицей. Обе понима-

ли по-русски, однако поначалу в буфете мне никак не удавалось купить бутерброд с колбасой. Раза два или три вместо этого она продавала мне бутерброд с маслом. Я стеснялся возразить и брал, что дают. Затем до меня дошло: бутерброд – это уже по-немецки означает масло с хлебом.

Через дорогу от школы находилась открытая спортивная площадка с гимнастическими снарядами, плац, где в теплое время проводились линейки и школьный сад с плодовыми деревьями.

С противоположной стороны окна школы выходили на территорию автопарка зенитного полка.

За школой городская застройка заканчивалась и окаймлялась одноколёйной железной дорогой, по которой изредка проходил паровоз, тянущий за собой один или два товарных вагона. Частенько, заметив его приближение, мы клали на рельсы один пфенинг, после прохождения паровоза получалась одна марка, только очень тонкая.

За железнодорожным путем простиралось поле, на котором росли овощи.

Из танковых и авиационного полков, а также с базы снабжения в Вулькове школьников возили на автобусах, собранных на шасси ГАЗ-51. На этих же автобусах ездили на экскурсии в разные города и памятные места – такие как бывшие концлагеря, а в то время музеи Заксенхаузен и Равенсбрюк.

Другие поездки, кроме названных, обеспечивались более

скромно. Для этого использовались грузовые автомобили, оборудованные под перевозку личного состава ГАЗ-63 или ЗИЛ-157. Например, если надо было доехать до Вюнсдорфа или Эберсвальде, чтобы далее на поезде отправиться в Союз, выделяли ГАЗ-63 с кунгом, сколоченным из фанеры и бруса.

Можно было поездом отправиться и из Нойруппина, но при этом надо было ехать до Франкфурта на Одере с пересадкой в Берлине. Однако обратный путь из Союза почти всегда выбирали с путешествием по железной дороге, поскольку ожидание в месте пересадки было небольшим.

Составы состояли из нескольких разнотипных вагонов довоенной постройки. Отличались по длине, форме и классу. Класс вагона определяла его жесткость, т.е. в первом классе было мягче сидеть, чем во втором. Иногда вагон первого класса был с общим салоном, но с мягкими диванами, а третьего класса – жесткий, но с отдельными купе. Были вагоны и с отдельным входом в каждое купе с перрона, такой вагон состоял из трех купе. Паровозы, в отличие от наших, были сильно укороченные. Передвигаясь таким образом, не было необходимости беспокоиться, что может не достаться билетов. Поезда ходили полупустыми, очередей в кассах не помню.

В кассах же на наш поезд до Москвы во Вюнсдорфе и Франкфурте очереди были, и не малые. Иногда можно было сразу и не уехать, а коротать время на вокзале. Прямой поезд до Москвы ходил один раз в сутки, а добираться с пересадка-

ми хлопотно. Если таможенники ГДР и Польши формально относились к проверке, то в Бресте проверяли досконально, включая чемоданы. Но к пассажирам прямого поезда «Вюндсдорф – Берлин – Москва» относились лояльно. Проверка ограничивалась осмотром документов и декларации на провозимое прямо в вагоне. Сразу после пересечения границы, не доезжая до станции Брест. Однако и тут, если пассажир вез много вещей или вез огромный немецкий чемодан, окантованный металлическими ребрами жесткости (его называли «Великая Германия»), то просили показать содержимое.

В Бресте пассажиры выходили без вещей на перрон, меняли деньги на рубли и через два часа ждали подачи поезда с уже сменными колесными парами на другой стороне вокзала. Пассажиры с других поездов проходили с вещами через таможню, а это большая разница, чем просто предъявить уже проштампованные документы.

На перекладных с прохождением таможни в Бресте мы ехали всего один раз, когда впервые добирались к отцу, который сначала один уехал к новому месту службы, а затем оформил нам вызов. Провожать нас вызвался наш старый друг семьи Губарев Иван Михайлович, возвращавшийся из отпуска, который на тот момент служил с отцом в одном полку. У него под Барановичами жили теща и тестя. Мы заехали к ним и погостили несколько дней. Иван ехал с сыном Мишкой, моим ровесником, и нам все это время было нескучно. При отъезде по дороге на станцию попали под сильный ли-

вень и вымокли до нитки. Сушились уже в вагоне на пути в Брест, разложив мокрые вещи на жестких полках плацкарта. В Бресте в здании вокзала летали голуби, один из них нагадил мне на плечо. Никто не говорил, что это хороший знак, однако я и не заметил, чтобы кто-то сильно расстроился. Поплиновую светлую куртку замыли и, поскольку эта ядовитая гадость все равно оставила след, а куртка была двухсторонняя, ее просто вывернули на другую сторону. Так я далее ее и носил.

На таможене, открыв чемоданы, потрясли своим нехитрым шарбом. Затем сели в поезд до Франкфурта.

При пересечении границы, поезд остановился, в купе вошли польские пограничники, сказали:

– Пани, прОшу ваши докумЭнты.

Поставили штампы и все.

Ехали ровно сутки, поезд тащил паровоз. Скорость движения значительно отличалась от того, что мы привыкли видеть на наших дорогах, да и качает больше из-за зауженной колеи. Вагон был купейный, с жесткими полками, но спальных принадлежностей не полагалось. Двери купе закрывались, однако почти во всю дверь были остеклены, из коридора можно было видеть, что делается в купе и наоборот.

Ночь спали на жестких полках, постелив под себя какие-то вещи из чемодана.

Так же быстро проверили документы и немцы на своей территории, с той разницей, что сделали это без слов.

Во Франкфурте нас встречал отец. Далее уже по известному маршруту на паровозной тяге.

В отпуска мы ездили к старшей моей сестре. Она уже имела свою семью и жила с бабушкой Анной, которая до отъезда в Германию всегда жила с нами. У нее из шести детей к тому времени осталась только моя мать. Также ездили к родителям отца, жившим в деревне на северном Урале. У них все шесть детей были в полном здравии. Все трое сыновей прошли войну и вернулись живыми. Средний Алексей был одним из защитников Брестской крепости, в музее Брестской крепости представлено его фото и информация о нем, так же как и в книге писателя С. Смирнова. Вернулся он после контузии, полученной при взятии Будапешта.

Особенно мы любили деда Илью. Он носил окладистую бороду, был в меру строг, притягивал житейской бывалостью и одним этим не походил на остальных деревенских мужиков.

Летом 1964 года деда не стало, отец летал на его похороны.

Ну а мы на каникулах маялись в поисках занятий. На территории штаба хозяйственный взвод имел сарай, или по военному – склад, где хранилось их различное имущество. Днем часто склад оставляли открытым, поскольку возникала необходимость некоторые вещи просушить или проветрить. Мы с друзьями приглядели там доски, которые пришла мысль использовать для постройки шалаша, тем более

что к тому времени хоз. взвод выкосил всю траву на территории и она уже превратилась в сухое сено. Толи с разрешения, толи с молчаливого согласия солдат мы взяли эти доски, быстро сколотили основу для шалаша и обсыпали ее сеном. Несколько дней шалаш служил нам и никому не мешал. Мы с друзьями как-то крутились возле него, и, поскольку он стоял прямо напротив входной двери нашего дома, что-то привело нас ко мне домой. И, как обычно, мальчишки часто ищут: куда бы применить свою силу. В кухне у нас стояла чугунная эмалированная ванна, где мы мылись и мыли посуду. Один из моих друзей решил показать, что он может оторвать ванну от пола. У него это получилось. Естественно, что вместе с ванной оторвался и чугунный сифон.

Мы снова вышли во двор. И тут вижу отца, который подходит к дому. В этот день мы ждали его возвращения из отпуска в связи с похоронами дедушки. Я, естественно, бегу его встречать и ухожу с ним домой.

Через некоторое время отец увидел оторванную от канализационной трубы ванну. Я сказал что-то вроде того: «Приходил Сережка – и мы поиграли немножко». Он отругал меня и стал искать инструмент, не нашел и теперь уже начинал злиться. Тут я вспомнил, что пассатижи и отвертку мы использовали при постройке шалаша, я о них забыл – и они уже несколько дней там воткнуты между досок.

В то время, пока мы находились дома, командир хоз. взвода старшина Иванник, проходя поблизости, увидел наш ша-

лаш и приказал своим солдатам навести порядок, т.е. разобрать его.

Когда я выбежал во двор за инструментом, шалаша уже не было. Я пошел искать, куда это все отнесли, в надежде найти пропавшие инструменты. И тут вижу, что идет тот самый Сережка, с которым мы поиграли немножко, и окликает меня. Я спешил и сказал, что мне некогда.

– А-а, зазнался, отец приехал, – говорит он мне в ответ.

Инструмент я так и не нашел.

В отпуск мы не всегда отправлялись всей семьей. Я, например, мог ездить только в летние каникулы, а родители только тогда, когда подходило время по утвержденному графику. Моя младшая сестра первые три года, пока еще не пошла в школу, ездила зимой отдельно с отцом и отдельно с матерью в любое время года.

1963 год мы с мамой встречали одни. У нее, похоже, было не очень праздничное настроение, поскольку она даже не вспомнила, что нужно поставить елку, хотя на территорию штаба привезли их достаточно много. Кстати наши соседи Рыжкины, у которых был сын Женька, мой ровесник, тоже почему-то этого делать не собирались. Мы с Женькой смотрели, как другие разбирают елочный базар, а наши родители как будто ничего не замечают. 31 числа мы не выдержали и решили сами взять на себя инициативу. Елок осталось не так много. Женька выбрал себе ровную, поперек шире, чем в длину, с отломанной верхушкой. Мне она сразу не понра-

вилась, но это его дело. Мне досталась стройная, высокая, но однобокая. Затащил домой, выбрал место в углу комнаты, перевернул на бок табуретку и воткнул принесенное дерево между сиденьем и проножкой. Игрушки сделал из клей-папира (клеящейся цветной бумаги), которую мы в школе применяли на уроках труда. Получились цветные фонарики, кубики и цепочные гирлянды.

Встретили вдвоем Новый год по московскому времени, а ровно в двенадцать вдруг все загрохотало за окном, стало светло как днем. Поскольку это был первый наш Новый год в Германии, мама тут же побежала к соседям выяснять, что происходит. Там жила молодая пара Вадим и Нэлла, у которых в это время собралась веселая компания. Они тут же пригласили нас за стол и объяснили нам происходящее. У них стояла красавица елка, сверкала огнями и крутилась вокруг своей оси. Мы приняли их предложение. Маму усадили между хозяевами, а я попал в руки другой пары – тоже наших соседей.

Сохранилась фотография за столом, где мое лицо выглядывает из-за бутылки пива.

В январе 1963 года мы с мамой получили телеграмму о выезде отца с моей сестрой и, рассчитав время прибытия, пришли на вокзал. Поезд пришел, но среди прибывших их не оказалось. Не заметить их мы не могли, поскольку поезд состоял из четырех или пяти вагонов, а вышла из него только одна пожилая немка. На второй день повторилось то же

самое. Мама доложила командованию – и они подключились к поиску. Версии были самые разные, но ни одна из них не могла быть хорошей. Мы продолжали по вечерам встречать поезда. Даже не пытаюсь описать, в каком настроении находилась мама в продолжении трех или четырех дней.

Наконец, только еще в школе начался первый урок, в класс заходит водитель командира дивизии и просит учителя меня освободить от занятий. Мы едем домой, забираем маму, затем в медсанбат, пересаживаемся в санитарную машину и далее во Франкфурт, в военный госпиталь. Оказалось, что отца сняли с поезда из-за сердечного приступа. К нашему приезду ему еще не разрешали вставать и перевозить также не разрешили. Мы побыли у него, забрали мою сестру, которая все это время находилась в детском отделении, и ночью выехали в обратный путь.

Почти через год уже мы с отцом остались вдвоем. Поначалу все шло хорошо, отец купил фотоаппарат ФЭД-2, и мы в свободное время осваивали основы фотографии, правда первую пленку мы загубили – промыли горячей водой, фотоэмульсия отслоилась от ее основы и плавала в бачке отдельно от нее.

Несчастье пришло неожиданно, у отца пошел камень из почки и застрял. Его положили в медсанбат, а позже переправили в госпиталь в город Лихен на операцию. Он мне оставил денег, я навещал его и неплохо справлялся один. С газовой плитой, сковородкой и кастрюлями я обращался

свободно.

Вскоре встречаю друга нашей семьи Менькова Василия Егоровича, который служил в комендатуре. Он меня дежурно спрашивает:

– Как дела?

– Хорошо, – отвечаю я.

С его сыном Сергеем я учился в одном классе и даже более того – сидел за одной партой, но ему я не говорил, что живу один, как, впрочем, и остальным.

На следующий день я пришел из школы, только собрался что-нибудь приготовить поесть, как появился Василий Егорович и сразу меня отругал:

– Как же ты говоришь, что все хорошо? Отца у него увезли, а у него все хорошо.

Быстро собирайся, будешь жить у нас.

Я упирался сколько мог, говорил, что мать скоро приедет, а я справляюсь пока. Силы были неравны – он меня забрал к себе жить вместе с тремя его сыновьями: старшим из них Валеркой, средним Сергеем и младшим Юркой. Они были крепкие ребята, с хорошим аппетитом. На их фоне в этом смысле я сильно проигрывал и выглядел бледнолицым. Василию Егоровичу и его жене Антонине Петровне доставляло головную боль, чтобы накормить меня так же, как наворачивали их дети. Абсолютно все относились ко мне с предельным вниманием, и от этого я, конечно, несколько стеснялся.

Жили они на территории комендатуры, которая выходи-

ла на озеро. Берег был оборудован помостами и вышкой для прыжков в воду. Опасаясь, что я умру от голода быстрее, чем приедет моя мать, Василий Егорович вставал ни свет, ни заря, выходил на помост, налавливал рыбы – и к завтраку, перед походом в школу, Антонина Петровна уже подавала ее в жареном виде.

Помосты выходили достаточно далеко в озеро. Мы с удовольствием с них рыбачили. Глубины хватало на любую рыбу, обитающую в озере. Настроив удочку на предельную глубину, можно было выловить даже угря. Чуть на меньшей глубине шел лещ, плотва или красноперка. На минимальной глубине ловилась рыбка величиной не больше ладони, похожая на селедку, мы ее называли верхоплавкой. Вероятность удачи была обратно-пропорциональна глубине. Леща можно было и не поймать за весь день, не говоря уже об угре, вытащить которого – это событие. Плотва и красноперка шли хорошо, ну а верхоплавки наловить вообще проблем не было.

Как и все пацаны, мы любили играть в разные подвижные игры, основным из которых, конечно, был футбол. Кумирами были Лев Яшин, Анзор Кавазашвили, Эдуард Стрельцов, Игорь Численко. Играли двор на двор, класс на класс и просто разбивались на команды как получится. В пятом классе мы вскладчину купили одинаковые желтые футболки и краской через трафарет нанесли номера. У меня была футболка под номером 7.

Часто приходили в какой-нибудь полк и играли на пло-

щадках, предназначенных для игры в ручной мяч, как тогда называли, или гандбол по-нынешнему. Такие площадки, как и гимнастические городки, устраивались в каждой части. Нередко поле было занято – и мы ждали, пока освободится. У солдат, как правило, принято было играть на масло, т.е. проигравшая команда за ужином отдавала масло победителям.

Мы же играли бескорыстно и исключительно ради удовольствия. Ходили играть также и на городской стадион, расположенный ровно между Нойруппином и Альтруппином. Газон главного поля содержался в идеальном состоянии и на него заходить было нельзя, однако существовало еще три тренировочных поля, которые можно было использовать в любое время. Главное поле имело трибуны, беговые дорожки и обустроенные секторы для прыжков. Там проходили все официальные немецкие соревнования, наши дивизионные, а также школьные спартакиады.

На футбол немцы ходили с трещотками и дуделками, что для нас было непривычно, поскольку в нашей традиции тогда было принято болеть голосом, посылая судью на мыло, и громко раздавать советы футболистам. Конечно же, все кричали: «Го-о-л», когда забивали свои.

Немцы в дополнение к трещоткам тоже что-то кричали, нам не все было понятно, однако переводчик не требовался. Как, впрочем, и в цирке, когда клоун шутит по-немецки, до тебя очень туго доходит, но ты смеешься вместе со всеми.

Однажды в цирке на арену вышли советские акробаты, гастролирующие по ГДР. Я помню, как нас тогда захлестнули бурные эмоции – и мы от души с трибуны приветствовали их, своих, появившихся словно из другого мира. Нельзя было сказать, что нас обделяли вниманием артистов. В нашем Доме офицеров побывали, и не по одному разу, все тогдашние знаменитости от И. Кобзона и М. Кристалинской до ансамбля имени Александрова. Более того – у моего друга и соседа Женьки Рыжкина, с которым мы выбирали елку к 1963 Новому году, отец был начальником Дома офицеров, он частенько их приводил к себе домой. Бывало, и я с ними виделся, но не более чем «здравствуйте и до свидания». Однако тут среди немецкой цирковой программы вдруг неожиданно появились наши родные гимнасты.

Позже, когда я уже сам служил в армии, часто приходилось наблюдать, как солдаты из многочисленных наших национальностей относятся к своей культуре. Достаточно зазвучать хотя бы их родной музыке – и они тут же преобразались. Это было удивительно, и не разделявшие их культуру не сразу понимали, что им просто приятно слышать свое родное вдали от родины.

В конце восьмидесятых годов я служил на Балхаше. Как и везде в Советской Армии, у нас в части проходили службу по призыву представители многих национальностей. Случилось так, что между казаками и узбеками возник конфликт, как это иногда бывает между молодыми людьми. Казахи не

придумали ничего лучшего, как подключить к этому конфликту местных хулиганов, тоже казахов. Те выбрали момент, проникли на территорию части и физически заступились за своих земляков. Обиженные узбеки после отбоя собрались и решили бежать. Их было человек десять. Прошли по степи километров семь до Гульшадской горы, поняли, что такой толпой далеко не уйдут, назначили делегацию из трех человек, чтобы те добрались до Ташкента с целью пожаловаться. Остальные вернулись в казарму.

Когда утром хватились беглецов, те уже успели пройти оставшиеся десять километров до автомобильной трассы, поймать попутку, доехать до железнодорожной станции Сары-Шаган и сесть в поезд.

Через несколько дней из Ташкента приезжает делегация комсомольских работников, привозит с собой беглецов и в дополнение узбекский народный ансамбль.

Беглецы тут же были определены на гауптвахту, а прибывшие артисты несколько дней давали концерты во всех частях, где проходили службу хотя бы несколько узбеков. Мы их возили за сотни километров во все точки Сарышаганского полигона. Надо было видеть, с каким взаимным удовольствием встречали друг друга земляки.

В армии, как нигде, очень обострено чувство землячества. Это распространено как среди солдат, так и среди офицеров. У нас в Нойруппине также друзьями семьи в основном были земляки, хотя и служившие в разных воинских частях. На

нас, пацанов, это тоже распространялось, однако круг общения далеко этим не ограничивался.

Как бы кто ни хотел отрицать это, но от культуры, которая в тебе, обычаев, географии родного места и многого другого далеко уйти не получается. У меня тогда, например, кроме всего этого при упоминании о России возникали запахи ванили и кофе. Немецкие продукты больше походили на эрзац в сравнении с нашими, а приезжая в отпуск в Россию и заходя в бакалейный отдел магазина, ты просто наполнялся этим приятным запахом. К тому же там продавались ванильные кофейные брикетки, которые мне очень нравились, их можно было растворять в воде или в молоке, но куда вкуснее просто жевать как конфету. Я уже не говорю о вкусе и запахе нашего мороженого и конфет. Всего этого не мог обеспечить даже наш военторг.

Чтобы уж совсем не обижать немцев в связи с их небогатой гастрономической культурой, отметим, что в остальных бытовых вопросах они тогда ушли куда дальше.

Нас, например, поражало обилие в магазинах различного рода предметов, необходимых в хозяйстве, – от точилок ножей и карандашей, специальных щипцов, зажимов, форм до специальных подставок для елок и др. У нас в СССР в то время ничего подобного не было.

Понятно, что наша страна тогда только что выбралась из послевоенной разрухи, учиненной теми же «заблудшими» немцами. Понятно и то, что мы должны были тратить на

защиту от нового сытого и агрессивного врага в лице западного мира, разжиревшего на той войне. Мы тогда все это понимали иначе, чем двадцать лет спустя, когда возжелали картинку их благополучия и добродушно поверили в их обещание нам помочь. В шестидесятых большинство взрослых людей на своем опыте помнили цену их «вселенской миссии», а позже, в девяностых, их дети и внуки на деле ощутили цену их помощи.

Показателен случай с семейной парой, с которой мы были дружны. Отец семейства перевелся служить в ГСВГ года за два до нас. Его жена Римма, как и принято, после оформления вызова месяца через три приезжает к мужу. Муж встречает ее во Франкфурте. Выйдя из поезда, Римма увидела идущих по перрону офицеров армии ГДР – и с ней случился обморок. Форма у них по цвету, покрою и знакам различия была очень похожа на форму гитлеровцев, а у нее вдруг всплыли воспоминания о том, что они творили на нашей, оккупированной ими территории, а именно в ее городе. Они у нас оставили после себя разрушенные города, сожженные деревни, миллионы убитых людей, а мы у них защищали их же от тех, кто в свое время заставил их верить, что мы звери и нам не место среди избранных. Поставить Запад на место стоило нам очень дорого, как и сохранять победу над ним. Вооруженная проба сил с их стороны в 1953, 1961 и 1962 годах натолкнулась на решительные действия нашей западной группы войск. И только понимание, что дальнейшая провер-

ка наших сил может закончиться у берегов Ла-Манша, оставляло ненасытную буржуазную машину.

Мы жили, конечно, хуже, чем немцы, именно по этой причине. Западные немцы жирели от подачек разбогатевшего дяди Сэма, а восточные немцы не были обременены непомерными затратами на свою защиту, а напротив, находились под крылом Советской армии и спокойно занимались своей хозяйственной деятельностью.

Обилие в продаже разнообразной мелкой утвари объяснялось еще и тем, что в ГДР было разрешено мелкое частное предпринимательство. У нас, может быть, было бы то же самое, однако к этому времени в СССР упразднили артели, кооперативы, которые выпускали товары народного потребления. Обязанности по производству таких товаров возложило на себя государство и, как показало время, оказалось в этом деле неэффективным и неповоротливым. Вместе с тем качество немецких товаров не всегда было безупречным в отличие от наших. Ассортимент у нас был значительно меньше, но все они производились строго по ГОСТам и очень ценились у восточных немцев, например, фотоаппараты, фотообъективы, часы.

Шестидесятые годы были самыми счастливыми в нашей истории, и я рад, что жил в то время и дышал воздухом, пропитанным здравым смыслом, человеческой справедливостью и добротой. В силе были люди, выстоявшие в жестокой схватке с мировым злом, справившиеся с послевоенной

разрухой. Им не надо было объяснять, что такое хорошо и что такое плохо. Сволочи и идиоты легко корректировались обществом. Делая свои грязные делишки, они прятались от людей, от милиции, от власти. Обман и воровство порицались повсеместно. Люди не делились на своих и чужих.

Государство тогда в общем порыве к справедливости и всеобщему счастью взвалило на себя все обязанности, включая обеспечение людей товарами повседневного спроса. Дьявол, как обычно, кроется в мелочах. Людей по доброте душевной освободили от заботы по производству товаров повседневного спроса, не всем угодили и дали людям повод сначала злословить в адрес государства об отсутствии джинсов, сапог и жвачки, затем заниматься фарцовкой и теневым бизнесом, а в итоге в девяностых сдаться тому самому Западу за гуманитарную помощь в виде дешевого ширпотреба и эрзац-продуктов. Во истину – добрые намерения ведут в ад.

Мелкие производители, несомненно, быстрее бы реагировали на потребности людей – и не было бы повода завидовать тем ребятам, которые, как минимум, по два раза в каждое столетие приходят с оружием на нашу территорию жечь города, села и уничтожать людей.

Справедливости ради надо сказать, что существовали анклавов, где удавалось наладить конкурентное производство товаров (Украинская ССР, республики Прибалтики, Молдавская ССР, Белорусская ССР). В 1975 году после окончания училища мы с женой из России уехали на Украину (в г.

Запорожье), где попали в совсем другой мир. Полки магазинов ломались от продуктов и отечественных товаров. Понятны и причины – надо было давать преференции приграничным национальным республикам. Из России, как у Н. Гоголя: «хоть три дня скачи – до границы не доскачешь», а тут рядом. К тому же Запад поддерживал там и вооружал националистов вплоть до конца пятидесятых годов.

Для меня, с детства находящегося среди военных, было привычно дружить и видеть вокруг себя людей разной национальности, не разделяя их и даже не замечая этого. В Запорожье меня застал врасплох вопрос хорошо мне знакомого человека, русского по национальности, но давно жившего на Украине:

– Не обижают тут тебя хохлы?

– С какой стати они должны меня обижать? – сказал я, не очень понимая его.

К тому времени и сами украинцы уже забыли, что лет двадцать тому назад были еще остатки бандеровщины, а этот пожилой человек помнил.

Хотя всегда, особенно среди молодых людей, найдется повод для хотя бы безобидной перепалки, замешанной на национальных различиях.

– Приезжаю я в Россию в командировку, – шутил мой начальник-украинец, – захожу в магазин и говорю продавцу: «Свешайте мне 200 граммов колбасы», а она мне отвечает: «А что это такое?».

Звали его Станислав Сергеевич. Это был прирожденный генератор идей и этих же идей исполнитель. Он у нас возглавлял службу по эксплуатации приборного оборудования самолетов. В своей рационализаторской деятельности он быстро выбирал жертву из своих подчиненных и вовлекал в свою активность. С ним было интересно.

Родился он в 1945 году в послевоенной Германии. Его родители встретились на фронте, вместе дошли до Берлина.

В 1976 году, в том числе на Украине, резко стало хуже с продуктами. Стали исчезать копченые колбасы, которые ранее лежали даже в сельских магазинах. Теперь они появились только в магазинах под названием «Сільгоспродукти», которые я ранее и не замечал. Однако цены в этих магазинах выросли почти в 2 раза. Та копченая колбаса, что стоила 3 руб. 60 коп. теперь в магазинах «Сільгоспродукти» продавалась по 5 руб. 50 коп. за килограмм.

Молдавия, которая сейчас одна из беднейших стран Европы, в советское время также купалась в изобилии. В дополнении – море фруктов и десятки сортов качественного вина, завоевавшего признание на многих международных выставках. На этикетках бутылок «Марочных» вин были отражены завоеванные этим сортом медали, а также указана его выдержка. В 1976 году я некоторое время жил в Кишеневе, проходя переподготовку на новую авиационную технику в учебно-тренировочном отряде. Помню, как приехал на выходные в Одессу, и там сразу в глаза бросилось значительное

отличие в изобилии снабжения, хотя Украина снабжалась намного лучше, чем Россия. В Молдавии был просто рай.

Нам и в голову не приходило в то время делить людей на национальности. Везде, где бывал, воспринимал, как свое родное, с понятными всем порядками, справедливыми суждениями людей и добрыми отношениями между ними. Некоторое исключение, может быть, имело место в Закавказье. Там настолько сильны местные обычаи, что советская власть вынуждена была с ними считаться, а кое-что и не замечать. Мы же между собой делали выводы, что советской власти там нет. Особенно в небольших городах и селениях. Ни для кого там не было секретом: чтобы устроиться на приличную работу, надо заплатить приличные деньги. Например, плата за трудоустройство водителем грузовой машины составляла от 3 до 4 тысяч рублей. Самые большие цены были на устройство в сфере торговли. Не дай бог мужчине – работника государственного магазина назвать продавцом. Надо говорить: «хозяин». К женщинам это не относилось – они на звание хозяина не претендовали, всегда были на вторых ролях, т.е. работали, а мужчины руководили и наслаждались жизнью. Если ты пришел в небольшом городке устраиваться в гостиницу и «хозяин», а по-нашему администратор, занят игрой в нарды, то имей терпенье подождать, пока не закончится игра, – все равно он до этого на тебя внимания не обратит. Если ты пришел в кинотеатр посмотреть кино, то не мешай мужикам во время сеанса общаться между собой – даже ес-

ли они переговариваются, сидя в разных концах зрительного зала. Замечание делать бессмысленно потому, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, а самое главное, что это невозможно – разговаривает и кричит почти весь зал в перекрестном нетерпении поделиться с приятелями важными новостями или эмоциями.

Отношение к женщинам, как нельзя лучше, характеризует живая картина, которую мы ежедневно наблюдали, разбив небольшой военный палаточный лагерь недалеко от города Ахсу близ горной реки с одноименным названием. Так получилось, что расположились мы рядом с горячим источником, из которого жители города брали воду. По воду ходили исключительно женщины с большими кувшинами, которые несли на голове, придерживая руками.

Естественно, мы также пользовались этим источником. Местные мужики переживали за своих жен – как бы их кто не обидел. Провожали их. Однако, не доходя метров за сто до источника, останавливались и следили. Женщины, набрав воды, ставили кувшин на голову, шли обратно и, поравнявшись со своими мужиками, продолжали идти с грузом. Мужчины, словно боясь потерять достоинство, гордо сопровождали их до дома. У них женщина создана для работы.

Все Закавказье было помешано на гостеприимстве. Сказать, что отношение, особенно к военным, было добрейшее, – ничего не сказать. Таксисты несколько раз меня подвозили, буквально уговаривая и отказываясь брать деньги.

Водители виновозов, завидя военных, останавливались, интересуясь, имеется ли у них какая-никакая емкость, чтобы налить спиртное. Если имелось ведро, то наполняли и его. Нам это доставляло головную боль, поскольку приходилось следить, чтобы не испортили солдат. Однажды мне пришлось (дай Бог, чтобы не услышали больные до «этого дела» люди) вылить на землю ведро коньяка-сырца. Заметив, что солдаты, сменяя один другого, забегают за палатку, – заинтересовался. В заднем тамбуре сорокаместной палатки стояло ведро, доверху наполненное коньяком. Один взмах и коньяк из ведра полетел к чертям. Солдаты роптали, но недолго.

Могли, чуть ли не силой, затащить в чайхану и бесплатно накормить и напоить, но если ты сам пришел, то плати и не проси сдачи (не принято).

Как то проходил мимо чайханы, со мной были два солдата. Выскочил «хозяин», уговорил нас зайти. Накрыл стол, выставил вино. Мне ничего не оставалось, как договориться с ним, что выпьем только по одному стакану и с удовольствием отведаем угощение. Солдаты, разделявшие со мной эту трапезу, были по национальности литовцы. Неплохие парни. У меня в разное время очень много служило ребят из Прибалтики, особенно когда я руководил измерительной лабораторией, где на должности радиомехаников часто попадали ребята с Рижского завода ВЭФ. Ни об одном из них не могу сказать ничего плохого. Хотя наблюдалась некоторая их отстраненность от остального коллектива. Однако, на мой

взгляд, это объяснялось более основательным и серьезным их подходом к жизни, да и к службе. Как в любом коллективе, были и конфликты, но, как правило, горячие прибалтийские парни не были их зачинщиками.

Бывали, правда, и исключения, когда подтверждается поговорка, что в семье не без урода. Возил я солдата, призванного из Литвы по фамилии Юргенсон, из г. Петровска, где мы дислоцировались, в город Саратов с целью лечения в госпитале из-за подбитого глаза вместе с другим солдатом по фамилии Калмыков, у которого был сломан нос. Этим двум отслужившим по два года разгильдяям «прилетело» от молодых солдат. До приказа об их увольнении оставалось 100 дней. В связи с этим после отбоя они решили отметить. Подходили к спящим, ударяли пряжкой ремня по их мягкому месту и вопрошали: «Сколько дедушке до дембеля?». Они хотели в ответ услышать: «Сто дней», но молодые вместо этого встали и навесили им фонарей.

К этому времени в обществе уже начинали распространяться разговоры о дедовщине в армии, чего никак нельзя вывести из описанного эпизода (тут как раз «деды» получили по морде). Однако могло быть и по-другому, если бы у молодых не хватило решимости дать отпор придуркам, коих предостаточно в любом коллективе.

Нормальных мужиков в армии, как правило, не обижали. Проблема, конечно, существовала, однако мне она виделась совсем с другой точки зрения, чем мамкиным сынам и

журналистам, которые в большинстве своем в армии никогда не служили.

До 1976 года люди ни о какой дедовщине вообще не слышали. Запустили этот процесс добрые дяди из Политуправления Советской Армии в порыве похвалиться результатами своей работы по воспитанию сознательного отношения всех военнослужащих к своей службе. Высшее командование также поддержало этот благородный порыв и внесло изменение в Дисциплинарный устав, где были убраны ключевые права у младших командиров и записано, что дисциплина основывается на сознательном отношении к воинской службе.

Если до этого в арсенале сержанта было такое действенное наказание, как «наряд на работу» (задание по хозяйству в роте, по благоустройству территории и др.), то теперь он мог нарушителю объявить только замечание, выговор, лишить увольнения в город и наряд на службу. Замечание и выговор нерадивому солдату по барабану, увольнение не всегда актуально, а в наряд по службе он и так ходит (дневальным, дежурным, в караул и т.д.).

Теперь сержанта нарушители перестали бояться. У сержанта осталась ответственность, но забран инструмент, которым он удерживал особо приборзевших. Да и кто в молодом возрасте был не прочь немного поборзеть?

Угадайте с трех раз – какие варианты у него остались.

Правильно – самый легкий вариант – это опереться на

неформальных авторитетов из подчиненных солдат, которые не наделены ответственностью, не обучены управлению, но реально командуют. Это и есть неуставные отношения, или по простому «дедовщина».

Второй вариант – самому обладать хорошей харизмой, подготовкой и высокими моральными качествами, давить авторитетом. Такие сержанты тоже были, но чтобы большинство – так не бывает.

У нас служил сержант по фамилии Шпет, по национальности немец. Исключительно серьезный и прирожденный командир. Часто, потеряв терпение от чьей-то расхлябанности, восклицал: «Наберут детей в армию...». Однако это, несомненно, «исключение», нежели «правило».

Офицеры в дополнение могли объявить арест с содержанием на гауптвахте, но черт всегда кроется в мелочах, которые прежде всего на виду у сержанта, и с каждой мелочью он не побежит жаловаться старшему начальнику.

Тем не менее, несмотря на этот излишний либерализм высшего руководства семидесятых и восьмидесятых годов, в Советской Армии преобладал здравый смысл. Страдали, прежде всего, нытики, мало приспособленные к жизни мамыны сынки и их глупые мамки, которые не смогли вовремя вытащить своих сынов из-под юбки.

Как ни парадоксально звучит для уха штатского человека, но в армии, на мой взгляд, чувствуешь себя намного свободнее, нежели на гражданке. Механизм выполнения задачи на-

много проще. Оперативность выше, более того – она в приоритете. Люди молоды, активны, не засиживаются, поскольку постоянно передвигаются по должностям, гарнизонам, городам. Для меня это было интересно. Трудности и неустроенность компенсировались молодостью, удовольствием познания новых мест, причастностью к важным и знаковым событиям, работой с множеством людей, неожиданными встречами.

Так однажды ввиду срочности переброски меня на космодром «Байконур» выпала удача лететь на личном самолете генерального конструктора Глушко В.П., вместе с ним и еще десятью легендарными академиками-основателями советской космонавтики. Это был 1986 год, все они были уже в почтенном возрасте, одеты в одинаковые плащи военного образца, но серо-бежевого цвета. Тогда шел завершающий этап над программой ракетносителя «Энергия» с кораблем «Буран» и созданием нового Центра управления полетом.

По пути мы сели на аэродроме авиационного завода в Куйбышеве (сегодня Самара), где производились космические корабли. К трапу подали автобус, мэтры советской космонавтики отправились решать свои вопросы, а я и еще несколько человек в ожидании их возвращения с удовольствием познакомились с выставленными на стоянках образцами авиационной техники, выпускавшейся ранее на этом заводе, многие из которых видел впервые.

Удовольствие несколько компенсировалось нестерпимым

давлением на пальцы ног новых полуботинок, которые я купил в Москве в центральном военторге по дороге на аэродром. Старые я там же выбросил в урну. Через короткое время я понял, что совершил ошибку, и теперь с трудом представлял, как быть дальше.

Байконур, а вернее аэродром «семерка», встретил жаркой солнечной погодой, я с болью в ногах добрался до гостиницы города Ленинск, или по-военному «десятки», где жили ожидавшие меня сослуживцы, которым я, конечно, пожаловался на свою беду с обувью. Один из них, капитан Гузь Владимир Павлович, дал мне совет:

– Налей в ботинки горячей воды, намочи носки, надень все это на ноги и ходи.

Володя слыл известным оригиналом с очень спокойным характером и особенным отношением ко всему окружающему, часто граничащим с показным безразличием, отлично знал вринские уставы и умел пользоваться этим, чтобы избежать лишних поручений. На совещаниях офицеров он, как правило, спал. За это командир усаживал его на первый ряд. Здесь спать уже было неудобно, но он все-равно сидел с низко опущенной головой, держа перед собой блокнот и ручку. Иногда командир интересовался – не заснул ли он, на что тот отвечал : «Я записываю».

Однажды по плану мобилизационной подготовки он отправился в один из военкоматов для сверки списков личного состава, назначенного для пополнения при развертывании

новых частей на военное время. Ехать надо было на электричке. На вокзале он заснул и у него украли папку с документами. Позже папку подбросили, поскольку не нашли там ничего для себя полезного, однако можно представить сколько неприятностей это доставило Гузю, не считая неоднократных насмешек командира на совещаниях, а на насмешки он был мастер.

Как-то Володя купил в полковом магазине мандарины и тут же на глазах изумленной публики отправил в рот неочищенный мандарин и съел его. На немой вопрос окружающих сказал: «Я заплатил в том числе и за кожуру».

Вернемся к ботинкам. Последовав совету Гузя, я утром так и сделал – к полудню вовсе забыл о проблеме. Ботинки превратились в тапочки. На следующее утро уже выбежал в них на пробежку, пробежал 10 км и не заработал ни одной потертости. Занимаясь спортом, я специализировался на марафонской дистанции (42 км, 195 м) и десять километров было для меня разминкой.

Расстояния меня совершенно не пугали. Все дороги космодрома истоптаны мной ногами, и не раз. Хотя, конечно, в подавляющем большинстве передвигался на машине.

Колеса по просторам Советского Союза и временами по разным причинам оказываясь без транспорта, я легко принимал решение, чтобы отправиться за десятки километров пешком. Причин всегда было две – не люблю ждать и люблю, чтобы дело, которым занимаешься, максимально двига-

лось. Часто машину отсылал с целью выполнения задачи, а сам, решив свои вопросы, и если позволяло время, добирался своим ходом. Трижды пускался на переход длиной более ста километров (в степях Саратовской области, на Балхаше и на Северном Кавказе). Однако такое расстояние ни разу до конца пройти не удавалось – подбирали попутные машины, я специально не голосовал, но и не отказывался, если предлагали. В доброе советское время считалось за правило на трассе предложить свою помощь попавшему в беду водителю или подвезти пешехода.

Мне несказанно повезло в самом начале трудового пути в городе Запорожье, когда, заступая на свою первую должность, услышал добрый совет от своего предшественника Анатолия Буденного: «Главное – никогда ничего и ни у кого не спрашивай». По-моему, это были чуть ли не единственные его слова при передаче должности. Этот совет всегда был мне больше, чем настольная книга, поскольку позволил обрести привычку не «грузить» начальников и коллег по работе, без шума и пыли постигать неведомое в библиотеках.

Далее сформировался навык, что помогло мне легко относиться к смене профессий в армии и на гражданке. Так, однажды волею судьбы оказался в комиссии как специалист по связи с целью помощи при создании системы предупреждения о ракетном нападении «Дарьял» на Балхаше. Целью комиссии было подготовить инженерные системы объекта к этапу межминистерского совещания, которые проводились

систематически, поскольку в создании этого сложного объекта принимало участие два министерства (Министерство обороны и Министерство радиопромышленности). Систематически возникали вопросы, которые можно было решить только с одновременным участием первых лиц различных ведомств. К их приезду мы готовили проекты решений по конкретным проблемам, они объезжали сооружения объекта, вникали в проблему, на совещании обсуждали и документировали эти решения. От Минрадиопрома почти всегда комиссию возглавлял министр, от Министерства обороны – всегда зам. министра.

Я за пару недель наладил и сдал в эксплуатацию три системы связи, что было оценено высоким начальством. В итоге мне предложили на постоянной основе взять под контроль монтаж и сдачу в эксплуатацию всех инженерных систем. Этот объект был одним из нескольких подобных, самых крупных в Вооруженных Силах. Чтобы наглядно представить мощность и объем оборудования объекта, достаточно сказать, что для охлаждения его оборудования применялись теплообменники, встроенные в контуры оборотной воды, охлаждать оборотную воду необходимо было до семи градусов, для этого применялись 14 холодильных машин, каждая из которых способна поддерживать лед на ледовой арене дворца спорта. Кроме этого имелся еще и разветвленный контур восемнадцатиградусной воды. Вода в нем охлаждалась на градирнях. Оборудование охлаждалось, конеч-

но, не самой водой. Вода проходила через теплообменники, которые обдувались вентиляторами, – в результате возник холодный поток воздуха, направленный внутрь шкафов с оборудованием. Подобным образом кондиционировались и помещения. Для того, чтобы обеспечить движение воды по контурам, использовалось около тридцати насосных групп по четыре насоса в каждой. Мощность каждого насоса 250 кВт.

Работа была интересная, три с половиной года я координировал работу шести монтажных организаций и пяти наладочных. Перевез в военный городок семью, которая разделяла со мной все тяготы и лишения воинской службы. Длинное лето и озеро Балхаш, раскинувшееся словно море у скалистого подножья нашего городка, оставили у нас приятные впечатления, а все трудности забылись.

Основная проблема при создании объекта заключалась в борьбе с исконными нашими качествами – необязательностью и обманом. Данные качества, между тем, были менее присущи монтажникам и наладчикам и в гораздо большей степени касались строителей и отделочников. Сдача объекта в эксплуатацию имела поэтапный характер по мере готовности инженерных систем, их была не одна сотня. В работе одна организация зависела от работы другой, задержка или некачественная работа одних задерживала других. Надо было вовремя выявлять халтуру или несвоевременное исполнение, а также подключаться с целью помощи в сложных тех-

нических проблемах, включая наладку, обеспечение поставок материалов и оборудования взамен задефектованного. Снабженцы в этом смысле мало помогали, они заточены под плановые поставки, а оперативно пополнять вышедшие из строя детали они не были способны, поскольку не обладали опытом работы с техникой. В лучшем случае они знали, для чего предназначено и как выглядит то или иное заказываемое им изделие. Однако не всегда возможно оперативно найти точно такое же устройство. Подобрать же взаимозаменяемый аналог или близкое по характеристикам изделие, которое можно приспособить взамен вышедшего из строя, может только человек, непосредственно владеющий инженерным комплексом. Мне приходилось наводить контакты с различными предприятиями в ближайшем городе. Ближайшим городом в шестидесяти километрах был Балхаш. Договаривались по бартеру. Я им отвозил что-то из наших запасов со складов, они делились своим. В то время склады у всех были забиты неликвидами, т.е. излишками и часто никогда не востребованными изделиями. Появлялись они от тех же снабженцев, которые, особенно в советское время, завозили часто лишнее, а что-то и вообще ненужное.

В 1990 году под давлением США было принято решение демонтировать уже подготовленный к боевому дежурству подобный объект в Енисейске. Для закрытия дефицита по оборудованию послали туда снабженцев, однако они толком ничего не решили. Пришлось мне несколько раз наве-

дываться в Красноярский край для подбора и отправки оборудования на Балхаш.

К 1992 году мы готовы были поставить Балхашский «Дарьял» на боевое дежурство, но известные события заставили его сначала законсервировать, а затем уничтожить.

Ранее приходилось заниматься связью на таком же объекте в Куткашене (сегодня Габала), что в горах Азербайджана. Этот объект был поставлен на боевое дежурство в 1985 г. и ликвидирован в 2012 г.

В Печере также успели поставить подобный объект на боевое дежурство, который единственный работает до настоящего времени.

С падением советской власти сместились все приоритеты, в том числе и в армии. Совесть потеряла в цене, на повестку дня все чаще стали выплывать личные интересы.

Заканчивал службу я уже на севере в середине девяностых. К тому времени дорвавшиеся до власти и имеющие знакомства с ними, в том числе и в армии, о деле меньше думали, чем о собственной выгоде.

При значительном уменьшении численности армии генеральских должностей уже к тому времени образовалось вдвое больше, чем было в СССР. В советское время тоже встречались случаи назначений на должности по знакомству, однако неизменным было и то, что человек заслуживал это назначение за ранее проявленные качества и опыт. Кроме того надо было пройти ключевые ступеньки по должностям

соответствующей специальности. Теперь это стало необязательно. Так у нас на севере на должность комбрига назначили бывшего военного корреспондента. В целом он выглядел порядочным и внимательным человеком, однако как командир был, мягко говоря, слабым. Мог назначить построение и задержаться у себя в кабинете до получаса, личный состав при этом его ждал. Для военных это всегда считалось верхом неприличия.

Военного человека всегда отличала точность к различным назначенным делам до минут. За несобранность и опоздание даже не надо было наказывать – достаточно намекнуть, что ты смахиваешь на пиджака, и это было гораздо хуже, поскольку эту точку зрения разделяли все, включая солдат. В результате человеку становилось стыдно. В армии гораздо лучше воспринимали человека собранного, строгого к себе и к людям, чем расхлябанного и необязательного. Солдаты, например, строгих командиров воспринимали лучше, чем добрых. Народ не обманешь – вся кажущаяся доброта от лени и неспособности организовать самого себя.

Как-то будучи назначенным старшим колонны машин, это было еще в середине восьмидесятых, я запланировал выезд с территории полка в 7:00. Для подъема морально-политического духа личного состава мне был придан замполит. Утром все офицеры, включая и его, прибыли вовремя. Солдаты накормлены, построены, проинструктированы. Затем замполит вдруг отлучился по каким-то делам. В назначенное вре-

мя я даю команду: «По машинам». Вижу, что замполита нет, и ровно с 7:00 вывожу колонну, оставив его. Как потом выяснилось, он увидел хвост колонны и бежал за ней, однако это ему уже не помогло.

Прибыв обратно в полк, докладываю командиру полка о выполнении задачи. Он говорит:

– Что ж ты своего комиссара забыл?

– Я назначил выезд в 7:00 и вывел колонну точно в это время. Не буду же я его искать по всей территории части, – ответил я.

– Правильно сделал.

Командир полка Лысенко Иван Григорьевич – фронтовик с 1943 по 1945 г. Прирожденный военный, внимательный к людям. Его команды выполнялись с удовольствием, потому что отдавались они четко, по всем правилам, продуманно и с глубоким уважением к подчиненным. Если он вызывал, то к нему летели, включая его заместителей, бегом через всю территорию части. Удивительный мастер слова. Сопровождаемые им, надолго заряжали всех энергией и положительными эмоциями, кроме тех, кого он на этих совещаниях раскатывал под орех. Опоздавших на совещание, включая заместителей, он выгонял. Никакая причина не могла служить оправданием. На попытку опоздавшего сказать, что его задержали какие-то дела, он отвечал: «А мы что здесь одни бездельники собрались?» и выгонял за дверь. И это уже было наказание – более никакого не надо. Его уважением до-

рожили.

Но вернемся на север. Нельзя не сказать несколько добрых слов о людях, которые там работают. В основном это нефтяники и газовики. С людьми там работать намного легче, чем в средней полосе. Они отличаются большей простотой, отзывчивостью, активностью, контактностью. Да других на север и не загонишь. Я служил начальником связи войскового соединения, мои объекты были разбросаны на довольно обширной территории Ямала. По своей работе имел дело со многими организациями. Вопросы решались легко и быстро. Так, например, подрядив единожды газпромовских связистов для реконструкции системы проводной связи в помещении штаба части, обрел людей, которые без колебаний готовы были в любое время оказать мне помощь. Не помню, по какому вопросу я к ним заехал, но затронув в разговоре проблему с радио-релейной связью на одном из моих объектов, расположенных вблизи Восточно-Таркосалинского месторождения газа и нефти, встретил неожиданное горячее участие в моей проблеме. Они тут же отвезли меня на вертолетную площадку. На своем газпромовском вертолете, который регулярно выполняет туда несколько рейсов в сутки, вместе со мной добрались до моего объекта и попытались помочь решить проблему. И не важно, что в этот раз решить ее не удалось, – показательны сами человеческие отношения. Решили мы эту проблему позже, когда установили более высокую мачту для антенны.

Достаточно много хлопот мне там доставляла коротковолновая радиосвязь. Мы привыкли считать, что связаться в этом диапазоне можно с любой точкой мира. Однако там дальше 20-25 км ничего не получалось. Я поехал в авиаотряд гражданской авиации, зная, что у них в этом диапазоне активно работают как на резервном. Они подтвердили, что такая проблема, действительно, существует и причиной тому особенное состояние северной ионосферы, которая не отражает метровые радиоволны, за счет чего и обеспечивается дальность действия радиосвязи, а поглощает их. Также ради эксперимента мной было получено разрешение заехать на их радиопередающий центр, с целью перестроить их радиостанцию на нашу частоту и попробовать связаться с дальними объектами.

Радиопередающий центр находился примерно посередине между поселком Тарко-Сале, где располагался штаб нашей бригады, и вертолетной площадкой, рядом с которой стояли два наших батальона. От дороги его отделяли примерно триста метров. Эти триста метров были заняты бесхозной свалкой, на которую свозили всякие отходы с поселка. Уместно сказать, что в восьмидесятые и девяностые годы, подъезжая к любому поселку и даже городу, как правило, сначала знакомишься с подобным безобразием.

Доехав до назначенного места, я вышел из машины, отослав водителя с заданием в один из батальонов. Сам же по тропинке пошел мимо свалки к дощатому забору, за ко-

торым располагался передающий центр. Пройдя полпути, услышал позади меня собачье рычание. Обернувшись, заметил важно идущую за мной овчарку. Кроме предупреждающего недовольства с ее стороны никаких действий не происходило. Входные ворота на объект находились на стороне, противоположной от дороги. Однако я увидел, что в заборе имеется дыра и к ней идет протоптанная тропинка. Я не стал искать длинного пути и пошел по короткому. Собака же, скалясь на меня, пошла в сторону длинного пути. Я обрадовался, что мы с ней мирно разошлись, и спокойно влез через проем в заборе на огороженную территорию, где были расположены антенно-мачтовые устройства, и посередине которой стояло капитальное сооружение и ряд хозяйственных вагончиков. Дойдя до центра территории я неожиданно увидел несущуюся на меня карьером со стороны проходной ту самую собаку. Произошло это настолько быстро, что даже испуга не наступило. Напротив, я, по-моему, сначала высоко оценил ее профессиональный маневр (встретить чужака со стороны охраняемого объекта), затем прыгнул одновременно двумя ногами навстречу ей так, что она опешила в метре от меня и отскочила. Затем опять ее прыжок с лаем и мой ответный – тоже с какими-то словами. Раза четыре или пять мы успели друг друга пугнуть прежде, чем из домика вышел на шум дежурный радист. Однако за ним из двери выбежал черный дог, которого радист сначала загнал обратно, затем дал команду овчарке оставить меня в покое. Это стоило мне

еще нескольких минут борьбы с ней.

Собака быстро послушалась хозяина, отошла от меня и села у отмотки домика. Все закончилось хорошо. Но, честно говоря, второй раз мне не хотелось бы попасть в такую историю.

Перестроили мы с ним их радиостанцию Р-140М на нашу частоту, связались с ближними объектами, а с дальними ничего не получилось, что окончательно подтвердило проблемы с использованием на севере коротковолновой связи.

Это вовсе не означает, что с меня старшие начальники, которые служили вдали от северных широт, перестали требовать развития этого вида связи как резервного. Приходилось и на сорокоградусных морозах экспериментировать с переустановкой антенно-мачтовых устройств, меняя направления их излучения, однако толку было немного.

Справедливости ради надо сказать, что мой начальник Башканков Сергей Михайлович, возглавлявший службу связи корпуса, штаб которого дислоцировался в городе Сургут, был опытным профессионалом-связистом. Он всегда поддерживал меня, иногда приезжал и лично принимал участие в реализации различных технических решений, в том числе и в самых сложных условиях.

Ранее он занимал должность начальника связи Туркестанского военного округа. После распада Советского Союза на короткое время оказался в армии Узбекистана на должности начальника связи Армии Узбекистана. С самого начала

предпринимал попытки перевестись в Российскую Армию, одна из которых увенчалась успехом. При этом, как ему потом передали, по этому поводу высочайше было сказано, что ладно – пусть, мол, поморозит свою пятую точку.

Морозить там, действительно, было что и было где. Мороз свыше сорока градусов уже через десять секунд прихватывал открытые части тела. Минус двадцать градусов воспринималось как оттепель.

Зимой передвигались между объектами либо на машинах по зимникам через тундру и болота, либо на вертолетах. В период навигации, кроме этого, еще и по рекам.

Однажды на нашем вертолете меня забросили на уже упоминавшееся ранее Восточно-Таркосалинское месторождение и через день должны были забрать. Я расправился с делами на день раньше и решил отправиться назад на газпромском вертолете. Мы часто пользовались их вертолетами. Достаточно было в диспетчерской службе внести себя в список. С оплатой финансисты позже решали по безналичному расчету. Однако в этот раз у них предыдущие несколько дней вертолеты из-за погоды не летали и в дополнение была пересменка вахтовиков. Желающих улететь с месторождения было значительно больше, чем возможности их вывезти.

Меня внесли в список, однако по очереди я не попадал даже на следующий день. Все записавшиеся очень хотели улететь, и их переполняло куда более мотивированное нетерпение, чем в моем случае.

Публика там простая. Подлетает вертолет, все кидаются на вертолетную площадку. Вертолет снижается, поднимая клубы снежной пыли, а под винтами по периметру площадки десятки человек, согнувшись и подставив спины с ног сшибающему ветру из-под винтов. Поддавшись всеобщему настроению, я также был среди них, поскольку, смотря на людей, думал, что кто первым успеет – тот и полетит.

Когда винты были остановлены, толпа кинулась к машине. Открылась дверь, вышли прибывшие, затем принесли список, зачитали первых 13 человек по списку, они заняли места, а остальные остались. Прибывает следующий вертолет – и картина повторяется с точностью предыдущей, включая и меня.

Третий раз бросаться под винты я уже не пошел, хотя и второй раз не надо было – я ведь уже знал, что проходят в порядке очереди по списку. Однако показательно, как человек может поддаться неожиданно возникшему желанию и настроению толпы.

Как-то раз я узнаю, что на базу администрации Пуровского района поступили автомобильные УКВ радиостанции. В то время еще не было сотовой телефонной связи – и эти устройства были бы весьма кстати. Поехал, посмотрел. Это были очень компактные итальянские станции «Megajet». Комбриг дал мне добро на их приобретение, и я поехал в районную администрацию, чтобы взять у них счет на оплату, но оказалось, что документы на радиостанции еще не при-

шли. Соответственно, и стоимость их неизвестна. Однако глава администрации разрешил мне взять необходимое количество с условием последующей оплаты. Я взял шестьдесят станций, т.е. все, что у них было.

Мне они были нужны для установки на автомобили, что я и начал делать без особого промедления. Однако быстро выяснилось, что надежность их оставляет желать лучшего, пошли отказы. Стал разбирать с целью ремонта и был удивлен отвратительным качеством сборки. Детали плохо пропаены, лаковое покрытие пайки и открытых токопроводящих частей отсутствовало, а оно обязательно для профессионального оборудования и защищает от воздействия влажности. Первым делом я предположил, что эти штуковины собирали на Малой Арнаутской в Одессе, поскольку до этого приходилось видеть только высококачественную импортную технику.

Далее было еще интереснее. Недели через две в районную администрацию пришли, наконец, документы, из которых следовало, что цена каждой радиостанции равнялась стоимости легкового автомобиля «Жигули» ВАЗ-2104 (на тот момент 30 миллионов рублей). Документы вслед за радиостанциями пришли с Украины, и в них было указано, что это расчет бартером за поставки газа, ну а космическая цена (30 млн руб. x 60 шт. = 1800 млн руб.) придумана с целью списать побольше долгов.

Мы с комбригом быстро сообразили, что за причастность

к такой сделке нас могут ни за что посадить, – и я срочно демонтировал все, что успел установить, упаковал и всю партию отвез обратно. Аргументы о неподъемности цены были столь очевидны, что я даже не стал говорить за качество и что среди возвращенных изделий имеется несколько неисправных.

Что в администрации потом делали с этим богатством, мне неизвестно, да и кроме этого в то время чудес было предостаточно и все они были на виду. Позже, однако, чудеса научились прятать за высокие заборы, за административные хитрости, принимая «нужные» законы и разделяя людей на имеющих право хитрить и не имеющих.

Другими словами – наступило время свободы от принципов, проповедываемых Христом, его апостолами и строителями коммунизма. Последним надо отдать должное, что они здорово переборщили с заботой о гарантиях людей, не оставив им права переживать за завтрашний день. Родилось благодущие и всепрощенчество, которое позволило негодяям захватить все, включая результаты труда и нагло наживаться.

В советское время производства имели научно-обоснованную структуру, продуманную кадровую политику и массу законов, защищающих работников. Был такой мощный задел, что даже новому и дикому капитализму в одночасье сломать это было не под силу.

После моей армейской службы работа на еще сохранившем структуру и традиции гражданском производстве пока-

залась такой легкой, как если бы я перевелся из университета в первый класс начальной школы. В размеренной гражданской жизни и в хорошо организованной структуре производства почувствовал необычайную простоту и комфортность. Однако, на мой взгляд, на гражданке, что не может не бросаться в глаза, почти полное отсутствие ротации кадров по отрасли и слабая ротация внутри предприятия, что ни к чему, кроме застоя, привести не может. Во многом из этого вытекает заскорузлый способ хозяйствования, который нам известен из Гоголя. Там Плюшкин все время экономил, до последнего пользовался старьем – и здесь бояться потратиться на новое оборудование, освоение новых технологий. Мне это всегда «резало глаза», поскольку получил образование и вступил в жизнь в самой технологичной отрасли – авиации, где халтура окупается кровью, а реакция на технические проблемы мгновенна. И это не говоря о том, что во всех подразделениях активно изучался и анализировался передовой опыт эксплуатации оборудования, включая западное.

Завод транспортного машиностроения, на который я устроился после армии, специализировался на выпуске изделий малой механизации для железнодорожников. Грамотный и квалифицированный персонал, как, впрочем, и на всех советских предприятиях, но неприхотливый внутренний рынок и вчерашняя технология не позволяли им производить высококачественную и конкурентную продукцию. Не спасал даже экспериментальный отдел, в котором подобра-

лись самые опытные инженеры. Их усилиями, например, было создано уникальное изделие – рельсосверлильный станок СТР-3. Он выполняет три операции (сверление, снятие фаски и раскатку) без переустановки, что обеспечивало быстроту, качество при работе на железнодорожных путях. Этот станок в количестве двух экземпляров в течение двух месяцев готовили к конкурсу, который проходил в Канаде. Там ему по своим характеристикам и надежности равных не оказалось, т.е. состоялась полная победа в конкуренции с подобными зарубежными образцами. По результатам конкурса среди иностранных компаний нашлось немало желающих заключить контракты на поставки. Однако, несмотря на то, что станок был запущен в серию, обеспечить качественное его массовое изготовление не позволило устаревшее оборудование. На экспорт изделие не пошло. У серийного изделия допуски и посадки при изготовлении деталей плясали так, что даже наши неприхотливые железнодорожники массово возвращали их как неработоспособные.

Хотя на предшествующий ему станок, выпускающийся с 1972 года, никто и никогда не жаловался, несмотря на то, что у него уже в документации была заложена ошибка. Обнаружил я ее, взяв новый станок и попробовав насадить на него рукоятку доводки сверла. Рукоятка не насаживалась на вал, поскольку диаметр ее отверстия был меньше, чем вылет вала. Приняв это за единичный брак, пошел в цех, чтобы уличить их в ошибке. Далее выяснилось, что все изготовле-

но в соответствии с документацией. Более тридцати лет железнодорожники получали эту продукцию, вручную подтачивали вал, не жаловались и работали. Понятно, что при такой неприхотливости внутреннего рынка трудно ждать массового рвения производителей о вложениях в усовершенствование технологической базы.

В девяностые на наш рынок хлынула масса импортной продукции, и мы тоже пытались перенять кое-что, однако, как и у других, в основном это ограничивалось копированием характеристик, а внешне изделия очень сильно уступали оригиналу.

Изготавливая передвижные электростанции, мы частично комплектовали их двигателями импортного производства, а большей частью отечественными типа УД-25, который в разы превосходил их по весу, что создавало неудобство при эксплуатации. Однако нашлись предприятия, которые обязались скопировать двигатель «Honda», «BRIGGS & STRATTON» и итальянские малогабаритные дизели. Однако ни одно из изделий не выдавало заданной мощности более чем на три четверти, как и не выдерживали испытания на надежность. Причина все та же – отсталость в технологическом плане.

Больше всех насмешил Уфимский завод авиационных двигателей, который взялся скопировать «Хонду» мощностью 6 лошадиных сил. Прислали партию из двадцати изделий. Из них работоспособных оказалось только два и то вы-

дали мощность на 4 лошадиные силы. Прибыла бригада с завода, раскидали оставшиеся восемнадцать и кое-как собрали из них еще шесть, которые еле дышали и с трудом запускались, остальные запчасти запаковали и отправили к себе на завод.

Это было время, когда произошла децентрализация управления предприятиями, они все стали самостоятельными акционерными обществами. Там, где повезло с руководителями и востребованностью производимой продукции, наступило оживление. Они стремились произвести конкурентную продукцию, искали рынки сбыта. Если раньше рынком сбыта проблем не было – его предоставлял Госплан и вышестоящий орган, то теперь одним из основных вариантов поиска сбыта стало активное участие в выставках продукции. Многие выставки посещали самые высокие государственные должностные лица (президент РФ, премьер-министр, вице-премьеры, министры). Выезжая с продукцией на подобные выставки, мы говорили: «Едем к Черномырдину» или «Едем к Немцову» и т.д.

Немцов тогда уговаривал всех чиновников пересесть на отечественные автомобили и своим примером это активно демонстрировал, чему мы однажды оказались свидетелями. Для него в подмосковной Щербинке была организована одnodневная выставка, в которой принимали участие производители железнодорожной техники. Мы, как и все остальные предприятия, к назначенному времени развернули свою экс-

позицию и ждали появления гостей. Охрана вице-премьера заблаговременно прибыла и тоже была в ожидании прибытия своего начальника. Вдруг они заметно засуетились и стали активно пользоваться своими, по нынешним понятиям громоздкими, мобильными средствами связи. Мы поинтересовались причиной суматохи.

– Они заблудились, проскочили поворот, – честно сдали своего патрона охранники.

Они – это Немцов Б.Е. и министр путей сообщения Аксененко Н.Е.

Наконец на площадь, по периметру которой рассредоточилась выставленная продукция, въезжают две, судя по виду, немало повидавшие «Волги». Немцова я видел впервые, Аксененко же был неизменным участником всех наших выставок, и я с ним встречался много раз. Если ранее он своим ростом и габаритами один выделялся среди окружающих, то сейчас Немцов почти не отставал от него по этим параметрам – и они ходили, как два брата.

Подойдя к нашей экспозиции и поздоровавшись, Немцов, указывая на министра, спросил:

– Деньги платит?

– Пока платит, – ответил старший нашей группы, главный конструктор Пиковский Игорь Михайлович.

Последовал еще ряд дежурных вопросов с одновременным осмотром наших агрегатов, некоторые из которых мы тут же демонстрировали в работе. Все это время нас снима-

ла репортерско-операторская группа Первого канала. О том, чтобы они про нас не забыли, мы их предварительно попросили, подкупив ширпотребовской продукцией нашего завода, подарив каждому по штопору для откупоривания винных бутылок.

Вечером того же дня мы смотрели репортаж о себе в вечерних новостях Первого канала Центрального телевидения.

В августе 1988 года мы погрузили свою продукцию и готовы были ехать к премьер-министру Кириенко С.В., но накануне отъезда узнали, что его сняли с должности.

Вспомнилась еще одна выставка в июне 1981 года на полигоне Таманской мотострелковой дивизии вблизи подмосковного Алабино. Она устраивалась по поводу приезда министра обороны Камбоджи (в то время Компучия), где только что свергли режим Пол Пота. На ней было представлено вооружение, которое мог им предоставить СССР для восстановления армии после гражданской войны. Это была в основном техника на одно или два поколения ниже, чем поступала в наши войска. Например, танки Т-54, артиллерийское вооружение, военная инженерная техника шестидесятых годов и многое другое. Я привез стационарную коротковолновую радиостанцию Р-118УМЗ, которая в укладке занимала весь кузов автомобиля ЗИЛ-130, на котором я и прибыл вечером предшествующего дня. Доложил начальнику связи дивизии о прибытии, отвел водителя в солдатскую столовую на ужин, что в Советской Армии было неписанным законом.

Независимо от имеющегося у солдата сухого пайка, выданного ему в месте постоянной дислокации, всегда считалось долгом по возможности накормить его дополнительно, если имелась возможность. К этому все относились с пониманием и по доброму. Я, например, за два года до этого прибыл в Алтайский край с целым взводом солдат и по пути пришлось заночевать в совершенно не имеющей отношения к нам воинской части. Так они сами отвели мои двадцать человек на ужин и обеспечили полноценный ночлег.

Ну а на полигоне нам с водителем пришлось ночевать в машине. Водитель в кабине, а я в кузове на ящиках с радиостанцией, которую будем разгружать только утром. Жутко кусали комары. Не помню, сколько мне удалось поспать, но, по-моему, я больше времени провел на командном пункте полигона, откуда наблюдал за ночными танковыми стрельбами.

Наконец настало утро, прибывший хоз. взвод помог нам разгрузиться, плац заполнила прибывшая техника, привезли заранее заготовленные таблички с тактико-техническими данными выставляемых вооружений, и, наконец, подъехали машины с высокими начальниками. Камбоджийские генералы были непривычно щуплые и небольшого роста. наших же как будто нарочно подобрали в противовес им – мощных и высоких. Смотрелось это так, будто эта картина скопирована из фильма о Гулливере и лилипутах.

Гости долго с интересом осматривали все представлен-

ное вооружение, задерживаясь у каждого и выслушивая все его достоинства, затем камбоджийскому министру обороны приспичило по малой нужде. Для этого метрах в двадцати от плаца стоял дощатый туалет на одну кабинку. Министр пошел по направлению к нему, за ним потянулась и вся его свита из трех человек. Министр зашел внутрь, а его подчиненные окружили это сооружение с трех сторон и оросили его стенки, что немало нас развеселило.

Это я вспомнил потому, что было очень смешно и захотелось зафиксировать это для истории. Однако вернемся к серьезному.

На одной из выставок в 1997 году мы одолжили на две недели импортный передвижной электроагрегат с бесконтактным синхронным генератором, которых у нас в стране не производилось. У себя разобрали его, изучили, рассчитали свой, сделали и запустили в серию. Получилось все порусски. Параметры значительно лучше, поскольку буржуины всегда все подгоняют впритык и часто заявленные характеристики не дотягивают, а мы сделали, как у нас принято, с запасом. Их агрегаты мощностью 4 кВА уже при 3,5 кВА начинают заваливаться по напряжению, наш же стабильно держал напряжение при нагрузке выше 4 кВА. Единственным недостатком, как всегда, был внешний вид и вес. Мы сделали литой корпус из алюминия, поскольку у нас был литейный цех, но не было технологической линии по изготовлению множества деталей, из которых можно собрать более

изящное изделие.

Вскоре, перейдя с этого предприятия в телекоммуникационную компанию, я взял у них этот агрегат, испытал его для электропитания нашего оборудования – и мы оформили документы на сертификацию этого изделия для применения в отрасли связи и телекоммуникации.

Мне в очередной раз повезло, поскольку я не только попал в отрасль, которая вскоре кардинально разделит время на до и после всеобщей телефонизации, виртуальной реальности и всеобщей цифровизации, но и получил безграничную возможность в полной мере использовать свой наработанный ранее опыт. Ограничения заключались только в собственных знаниях и способностях. В первую очередь повезло потому, что генеральный директор Ледков Владислав Михайлович, который возглавил акционерную компанию, созданную на базе Калужского областного управления связи, городской телефонной сети и двадцати двух районных узлов связи, задался целью вывести связь на уровень, который бы не уступал этому в развитых странах. Он часто выезжал в Европу, изучал организацию работ, технику и др.

Немаловажно, что в советских учебных заведениях связи очень качественно готовили специалистов, они в нашей компании занимали ключевые должности и с ними можно было решать любые задачи. Другими словами – главной половиной дела являлись качества Генерального директора, а второй половиной являлась готовность персонала подключить-

ся к интересной и сложной работе. Персонал, не в пример сегодняшним реалиям, состоял в основном из технарей – и мобилизовать его на это не составило большого труда. Ни в одной области России ничего подобного не предпринималось.

Изменения развивались в двух плоскостях: приобретение и внедрение нового импортного оборудования и поэтапное внедрение процессного метода работы, т.е. изменение кадровой структуры по европейскому образцу, позволяющей сконцентрировать управление по видам деятельности из центра, создавая эффективное централизованное профессиональное управление вместо разрозненного и часто некомпетентного на местах. Главное, чтобы читатель не спутал это с нынешней централизацией, которая держится не на профильных кадрах, а на людях, обученных исключительно выстраивать относительные показатели и ориентироваться на краткосрочные финансовые потоки.

К моему приходу уже был произведен первый этап замены отечественных декадно-шаговых и координатных телефонных станций на АТС EWSD фирмы «Siemens», сотрудничество с которой продолжалось более десяти лет до появления отечественного оборудования соответствующего качества и возможностей. Это были полностью электронные системы в сотни раз компактнее, функциональнее, потребляющие в десятки раз меньше энергии и более удобные в эксплуатации.

В советское время Рижский завод ВЭФ также начал про-

изводить компактные АТС, но только квази-электронные, т.е. управление электронное, а соединение абонентов происходило через герметизированные контакты. Однако это были мини-АТС, применяемые внутри небольших организаций. У нас в восьмидесятых годах в полку была Рижская АТС на 200 номеров, которую установили взамен старой координатной АТС-К. Старая замучила тем, что очень любила этиловый спирт. Может быть, она любила бы и другой спирт, но к применению в советское время был разрешен только этиловый, чтобы у персонала не было искушения выпить и отравиться. Солдаты постоянно макали в спирт зубную щетку и терли контакты. К тому же надо было по звуку определить, в каком месте надо тереть, что не всегда возможно, т.к. стативы занимали две комнаты. Был даже один статив, который ни за что не хотел исправно работать, если в нем не стоит открытая банка со спиртом. Можете верить или нет, но мои ребята нездорового интереса к этому любимому напитку бездушной железки не проявляли и исправно поили ее до полной замены оборудования на новое.

Здесь персонал был гораздо квалифицированнее и, естественно, проводил более своевременные профилактические мероприятия, чем молодые солдаты, получающие профессию связиста с листа. Поэтому при гораздо большем объеме старого оборудования, наверное, проблем было меньше. Говорю «наверное» потому, что я тут непосредственно подобным оборудованием не занимался, поскольку в мои

обязанности входили эксплуатация и развитие систем энергетики и различного вида электропитающего оборудования связи. Первые десять лет, закупали за малым исключением импортное оборудование из Германии, Италии, Норвегии, Финляндии, Англии, Франции и даже Новой Зеландии, пока не набрал силу Юрьев-Польский завод «Промсвязь» и не составил им достойную конкуренцию.

Тут не могу не сказать несколько хороших слов о руководстве этого предприятия. Самое важное, что мне в них нравится, – это полное отсутствие качеств известного гоголевского персонажа Плюшкина, которые у нас почти везде доминируют и все губят. Они завоевывали рынок, постепенно модернизируя производственную базу, в среднем через пять лет меняли средства производства, т.е. станки и механизмы, что позволяло совершенствовать технологию и увеличивать номенклатуру и качество оборудования. Я неоднократно бывал у них, давал советы с точки зрения потребителя продукции, встречался с ними на семинарах, совещаниях, выставках и, наблюдая их поступательное движение, всегда выделял и хвалил, понимая, что даже крупные иностранные фирмы, прорвавшиеся на наш рынок, выглядят в перспективе и в сравнении с ними однодневками, зависящими от многого. За это они часто, при случае, передавали мне небольшие подарки в виде фирменных календарей и прочей мелочи, что может пригодиться на рабочем месте.

Уже ко второй половине нулевых годов они вполне кон-

курировали с иностранными производителями. И тут уже не только возымели действие призывы Министерства связи о поддержке отечественного производителя, но и заработала заинтересованность в приобретении более дешевых и не менее надежных и удобных в эксплуатации изделий. Справедливости ради надо сказать, что плюсов и минусов в сравнении с зарубежными аналогами было примерно поровну, но решающим была доступность ремонта, что немаловажно для эксплуатации. У заграничной буржуазии ремонт был либо дорогой, либо вовсе невозможен.

Иногда к этому добавлялся настолько сложный и длительный процесс ремонта, что никак не могло удовлетворять потребность эксплуатации, основным критерием которой является оперативность. Так мы, имея достаточно большую линейку электропитающего оборудования фирмы «Siemens», заключили с ними контракт на организацию его дистанционного контроля. С помощью их специалистов все это смонтировали и ввели в эксплуатацию. Однако каждая неполадка в работе этой системы решалась только через одного их специалиста, находящегося в Германии, поскольку только у него были все коды и пароли, без которых ничего нельзя было сделать. С ним надо было созваниваться или писать письма, а он к тому же часто куда-то выезжал и был недоступен. Помучившись с ним года два, мы разорвали контракт, а я для себя как человек военный в очередной раз убедился, что советская система была намного умней двухклеточной бур-

жуйской и всегда старалась, чтобы в работе все было продумано и застраховано от любых случаев. У них же на первом месте коммерческая тайна и жадность до денег. Жалко только, что у нас сейчас на пути к «цивилизации» тоже такие времена, что все меньше интересуется оперативность в работе и главным девизом становится: «Когда что-нибудь случится, тогда и будем решать». Официально это звучит так: «Работа с колес», т.е. запасы и резервы должны быть минимальны, а при наступлении случая быстро закупать, завозить, организовывать и изыскивать выходы. Может, это с некоторых точек зрения и экономично, но я, например, всегда чувствовал себя некомфортно, если сознавал, что у меня на какой-то случай чего-нибудь не хватает.

Но, слава Богу, мне во все времена везло и у меня всегда было много запасов. И здесь тоже, поскольку, благодаря умному руководству, денег на эксплуатацию не жалели и выделяли, сколько сможешь доказать. Кто не желал доказывать – сидели, конечно, на бобах, поскольку никто ничего просто так не дает.

В энергетической службе, на мой взгляд, подобрался персонал, которому по душе было желание эффективно и комфортно работать. Все старались в меру своих способностей и характера. На работу было идти приятно. Никого выделять не буду, чтобы не обидеть остальных. Может быть, исключение составлю Главному энергетикку Распопову Александру Викторовичу, который обладал талантом настоящего инже-

нера-новатора с уникальным даром по отстаиванию бюджета на эксплуатацию и на развитие. Без него результат мог быть иным. У нас было все, что необходимо, и с многократным запасом. Применяли только качественные материалы, изделия и самое новейшее оборудование от преобразователей электрической энергии до дизельных электростанций производства ведущих европейских фирм.

Составлю исключение еще и для Аксенова Виктора Николаевича, обладающего сильной харизмой, без труда находящего общий язык в любом обществе. Он органично дополнял Распопова, что пробивало все стены. Благодаря ему я появился в этом коллективе. До этого мы не знали друг друга, однако он поверил, что я буду полезен и взял меня на только что введенную должность инженера. Мы быстро составили тандем внутри энергетической службы. Работать с ним было комфортно, понимание у нас было с полуслова. Вскоре я тоже стал небольшим начальником, потом побольше, но всегда шел по его стопам.

С началом выстраивания процессного метода отлаживалось и взаимодействие служб и подразделений. Реформирование шло поэтапно, что заняло три года. Первым мы присоединили Перемышльский район. Каждое подразделение выбрало себе соответствующий по профессиональной подготовке персонал и включило его в свой штат, параллельно решая транспортные и другие вопросы управления и взаимодействия. Вторым этапом был Ферзиковский район, третьим

– Тарусский, четвертым – Бабынинский. Параллельно сформировались четыре выделенные центра с управлением из Обнинска, Кондрова, Кирова и Людинова. Затем пошел процесс присоединения и этих выделенных Центров: Козельск с двумя районами, Кондрово с пятью, потом Обнинск с тремя, Киров с пятью и, наконец Людиново с пятью районами. В ходе этого все производственные подразделения в Калуге преобразовались в Центры, осуществляя управление каждый по своим направлениям. Естественно, что этот процесс сопровождался сокращением персонала в районах (бухгалтерия, снабжение и др.).

Наша служба стала Центром энергетического обеспечения, включающим в себя один цех и шесть участков, пять из которых находились в районах. Директором назначили Аксенова, ну а заместителем меня.

Несмотря на радикальную перестройку все шло довольно гладко и с желанием, если не считать, на мой военный взгляд, несколько специфического понимания своих функций диспетчерской службой. Руководство не очень хотело этого замечать, поскольку превалировало желание на них сэкономить. В любом случае виноват тот, кто мало требует для своей службы, а дыры надеется закрыть за счет других, прикидываясь бедным родственником. У них всегда был недостаток резерва транспорта для аварийных случаев и отсутствие желания брать на себя ответственность в управлении дежурным персоналом в нерабочее время. Они постоянно стара-

лись озадачить руководителей подразделений и встроить их в управление даже несложными аварийными мероприятиями, будили ночью или искали в выходные. Я им задавал вопросы: «А если начальник в выходной пошел в баню или уехал к теще? Разве имеющийся у подразделений дежурный персонал не знает, что надо делать? Разве диспетчер не ночной директор?» Им не очень хотелось быть ночным директором – и они в следующий раз делали то же самое.

Интенсивность работы значительно выросла, поскольку это было связано не только с систематическими поездками по всей области, но и с управлением удаленным персоналом, его обучением, организацией взаимодействия, приведением энергосетей и оборудования в надлежащее состояние, плановой модернизацией сетей, заменой оборудования и многим другим. Число технологических объектов превышало четыре сотни.

Учитывая удручающее техническое состояние энергетического хозяйства в районах, пришлось интенсифицировать работу выводить на максимум. В связи с этим мы быстро поняли, что служба снабжения не сможет оперативно обеспечить требуемую быстроту и качество, и взяли эту функцию на себя. Почти отказались и от складских услуг, распределяя материалы и оборудование «с колес» по назначению, поскольку недостатка в транспортном обеспечении у нас не было.

В 2003 году с целью наиболее эффективного развития отрасли произошла централизация акционерных обществ свя-

зи. Областные акционерные общества объединились внутри своих Федеральных округов и стали филиалами головных акционерных обществ, которые располагались в столицах этих округов. Наше предприятие стало одним из семнадцати филиалов ОАО «ЦентрТелеком» и единственным в России, которое к этому времени уже перестроило свою структуру по западному образцу.

Централизованное руководство постепенно стало вытягивать из спячки отстающие области, поскольку начался процесс развития проводного интернета, что повсеместно потребовало установку нового оборудования и готовность к этому персонала.

С самого начала объединения руководство ОАО «ЦентрТелеком» надеялось переформатировать все области по нашему образцу. Однако никого раскачать на это так и не удалось. Это как раз подтверждает, что больше половины успеха зависит от лидера, а своего Ледкова ни в одной области не оказалось.

Затем появилась идея включить в Калужский филиал город Тулу со всеми районами области по испытанному уже нами методу. Мы уже с туляками начали проводить предварительные консультации, обмениваться данными и составлять планы, но и тут не получилось. Видимо, вмешались влиятельные силы из Тульского губернского руководства, которым эта идея не очень понравилась.

В целом объединение внутри Федеральных округов име-

ло положительный эффект, поскольку позволило выровнять развитие телекоммуникаций по всей стране, подключив к этому мощные ресурсы. Внутри этих объединений были созданы централизованные цифровые системы управления и бухгалтерского учета – и они стали доступны каждому руководителю на местах, что позволило исключить как финансовые, так и управленческие издержки и злоупотребления. Из-за этого, правда, вскоре нам пришлось взять на себя, кроме договоров и закупок, еще и бухгалтерские функции по оплате счетов и проводке приходных документов. В компенсацию этого непрофильного и довольно сложного объема мы имели все, что хотели, и именно того качества, которое было в удовольствие использовать в работе.

Наш Центр был на слуху не только в ОАО «ЦентрТелеком», но и в других регионах, т.к. мы систематически выезжали на различные конференции, семинары, выставки и обучение, где собирались наши коллеги – энергетики связи со всей России, и все интересовались, поскольку ни у кого ничего подобного не существовало.

Наряду с рутинной эксплуатацией существующего оборудования мы интенсивно объект за объектом уходили от старых электропитающих систем, приводили в порядок сети, что значительно облегчало последующее их обслуживание. Любыми доступными способами мы старались и материально стимулировать дополнительный объем работ. Это настолько сплотило весь коллектив Центра, что мы, все 70

разбросанных по всей области мужиков, ощущали себя большой семьей. Работали на полном доверии, никого никогда не сдавали. Цель совпадала с интересом – и это не могло не приносить удовлетворение, несмотря на колоссальную нагрузку.

Вместе с тем необходимо было помнить, в какой системе координат все это существует, памятуя о том, что завтра тебя могут спросить: «Кого ты можешь предложить для сокращения?» Система, в которой все на втором месте после сиюминутной прибыли, не позволяет забывать, что если ты по какой-либо причине согласился за заведомый провал своей службы, поддавшись на систематически выдавливаемые сокращения персонала, то без проблем это примут. Генеральная дирекция требует сокращения – и они непременно будут. Если не у тебя, так в другом подразделении или службе. И дело не в том, понимают или не понимают это в Генеральной дирекции. Они такие же наемные работники, как и мы, только лучше оплачиваемые и более зависимые. На тот момент основной костяк их состоял из опытных производственников и они все понимали не хуже нас. Но все подобные решения принимаются не ими, а в кругу хозяев, т.е. среди топ-акционеров, а им необязательно знать, чем занимается та организация, акции которой они приобрели.

Трудно себе представить, что в советское время повсеместно стали бы ликвидировать медицинские пункты на всех предприятиях или выводить целые подразделения на аутсорсинг, который производству наносит вред, работни-

кам несет бесправие и нищету, но образующиеся в результате этого посредники (читай: «мошенники») стригут прибыль. Таким образом к концу первого десятилетия двухтысячных годов во всех филиалах транспортные службы вывели из штата, работников сократили. Организовали частную фирму, в нее зачислили работников и заключили с этой фирмой договор на предоставление транспорта. Работники, естественно, потеряли не только в заработной плате, но и в качестве содержания транспорта, поскольку часть денег шло руководству фирмы, и не факт, что в скромных объемах. Подобно этому перевели на аутсорсинг и хозяйственный комплекс, однако там получилось еще хуже.

Вы спросите: «А как же государство? У него же в открытых акционерных обществах контрольный пакет акций – и оно вправе заблокировать любые аферы акционеров?». И я о том же.

Мало не соглашаться на оптимизацию, т.е. сокращение или аутсорсинг, – надо каждый раз доказывать невозможность этого. С самого начала мы отработывали эту доказательную базу и документально могли защитить необходимость каждого работника, нормируя каждую выполняемую операцию, а также при каких условиях он эту операцию сможет выполнить. Министерство связи и телекоммуникаций, конечно, постепенно официально отменило все утвержденные в советское время нормы, на которые приходилось ссылаться. Пришлось систематизировать и прикрываться раз-

розненным набором сегодняшних требований различного уровня, что также работало.

Потери, конечно, были, но в основном вынужденные и компромиссные. Ни единого ценного работника, если он сам не уходил, мы не теряли.

К концу первого десятилетия двадцать первого века, по всей видимости, топ-акционерам удалось в очередной раз взять верх над здравым смыслом и, судя по доходившим до нас сведениям, в непростой борьбе с так называемыми государственниками в Связьинвесте. Я читал их «открытые» письма, которые таковыми считать трудно, – их умело закрывали.

К концу 2010 года уже было объявлено, что готовится глобальное укрупнение компаний связи в масштабе всей страны. Объединение планировалось на базе ОАО «Ростелеком». В него должны были влиться все, кроме Московской ГТС, Татарского телекома, Башкирского телекома и Чеченского телекома, у которых, вероятно, были в колоде козыри. У остальной России козырей не было. Другими словами, подходил к концу самый эффективный и комфортный период развития компаний связи, поднявший эту отрасль практически из небытия и доведший ее до мирового уровня, что в новой России было более чем удивительно, поскольку все остальное держалось на богатом техническом советском потенциале и постепенно катилось с горы. Здесь же все, с точностью наоборот, взлетело в гору, хотя от советского техни-

ческого задела почти ничего не пригодилось. Бесценны были лишь советская кадровая структура и высокая инженерно-техническая подготовка персонала.

В декабре 2010 года я имел удовольствие познакомиться с презентацией предстоящей реформы, находясь на обучении в Москве. В назначенное время в аудиторию, где проходили занятия, прибыли представители от ОАО «Ростелеком», развесили плакаты с таблицами, где были изображены их кадровая структура и многое другое, и с особой важностью, достойной лучших профессоров, пытались донести до нас достижения своей компании, словно перед ними сидели индейцы. Я обратил внимание на мизерное количество у них технического персонала, хотя другого и не ожидал, т.к. был знаком с их спецификой. Они обладали огромной сетью магистральных кабелей связи, что давало большой объем капитализации и доходов от продаж услуг по ним. Оборудования было немного и предназначалось оно в основном для передачи данных по магистральным кабелям – в каждой области было несколько небольших объектов. У нас же в каждой области было по несколько тысяч объектов, сотни из которых являлись крупными генерирующими узлами.

Вместе с тем в их структуре было огромное число управленцев и людей в непрофильных службах, что не могло не поражать и было, уж точно, неожиданностью. Неплохо зарабатывая на магистральном трафике, они, наверное, могли себе это позволить, однако удивляет, что заработная плата

инженерно-технического персонала у них была значительно меньше нашей.

Еще больше вызывало неприятие то, что высокотехнологические предприятия планировалось включить в структуру технически значительно менее развитую. Однако стоимость междугородных кабелей, раскинувшихся по всей нашей необъятной Родине, составляла такую сумму, что бухгалтерам и экономистам этого было более чем достаточно, чтобы, сравнив это со стоимостью наших основных фондов, сделать вывод совершенно противоположный. Другими словами, более развитым, по их мнению, был «Ростелеком». Они видели цифры, представляющие капитализацию в деньгах, и этого для них было достаточно.

В 2011 году мы объединились, вернее, вступили в... (воспитание не позволяет произнести это слово). Структура Калужского филиала была упразднена и реформатирована под все остальные филиалы.

Наш Центр Энергетического обеспечения расформирован. Бывшее руководство ОАО «ЦентрТелеком» с сожалением высказалось о ликвидации, в частности, нашего Центра, поскольку подобного результата работы не было ни в одном филиале.

В итоге в Калуге остался энергетический цех, остальной персонал раздали опять по районам.

С самого начала руководство «Ростелекома» с их бесчисленными департаментами, очумевшее от своей важности

(главный начальник теперь даже стеснялся называться генеральным директором и стал президентом «Ростелекома»), слепило структуру, где технические подразделения, т.е. всех нас, обозвали «технической инфраструктурой». Нас занесли на последнюю строчку в списке и в организационной таблице. Через пару лет они спохватились, что дали маху, и присвоили нам наименование «технический блок», подняв по иерархии в число основных подразделений наравне с бесчисленными департаментами.

Численность персонала в департаментах превышала число производственников. Впору вспомнить Салтыкова-Щедрина и его трех генералов, которых прокормил один мужик.

Результаты их работы быстро создали, мягко говоря, неудобства для нас. Складывалось впечатление, что не существует единого арбитра и каждый департамент трудится, не принимая во внимание, что делают остальные. Они искали работу для себя, загружая нас бесполезной возней по изучению их творчества, связанного с бесконечной реорганизацией, централизацией и в связи с этим сбрасыванием на нас непрофильных функций. Например, после оптимизации кадровиков часть их функций досталась производственным подразделениям, с бухгалтерией произошло то же самое.

Часто, не сразу врубаясь в суть происходящего, загружали всех своей паникой. Особенно доставалось диспетчерской службе, которая от этой паники более всего страдала, поскольку являлась посредником между производственниками

и теми, кто сверху, а им надо всегда все знать в режиме онлайн.

Выстроилась длинная вертикальная система управления, где каждый начальник, чем меньше понимал, тем больше боялся старшего. Панически отвергалась обратная связь, избегалось всякое общение с персоналом. Устраивалось так, чтобы топ-менеджмент имел контакт только с непосредственными подчиненными, не соображая, что в существенной степени поставляют ему вранье. Чаще всего это выстраивалось снизу вверх из-за боязни получить лишний раз по шее.

Оперировали теми показателями, что легче усваиваются и не очень обременяют знанием производства, т.е. показателями денежными. До этого их основными составляющими являлись прибыль и доход. Сейчас все это переместилось в относительную плоскость, т.е. на первое место вырулил «прирост». По их мнению, так легче проследить, кто стоит на месте, а кто двигается вперед. Одного только не учли – в технических науках имеется такое понятие, как насыщение. В графике это отображается в виде кривой, развивающейся по экспоненте, а они возжелали выстроить прямую линию, уходящую в бесконечность. Даром что образование у них не техническое, но руководить то они взялись реальной технологической компанией. Через некоторое время, как итог, наиболее развитые филиалы по их выдуманному основному показателю оказались в отстающих и их директоров стали ругать и наказывать. Поистине классический экспансивный метод –

давай деньги сегодня, а завтра хоть трава не расти.

Усложнилась работа по приобретению оборудования, запасных частей, материалов, инструментов, производства работ по договорам и всего другого. Мы сразу отказались от закупок, заключения договоров и бухгалтерских операций. Если со складскими делами разобрались быстро, то денежные дела пришлось сдавать более года, поэтапно передавая работы по договорам, счетам и статьям расходов в соответствующий отдел.

Таким образом от значительного объема работ и ответственности мы освободились, но долго не проходило и вряд ли когда-либо уйдет внутреннее неприятие «Ростелекома» как пришлого и наглого рейдера, присвоившего себе то, что не им было создано.

Действительно физически работать стало легче, из-за чего, кстати, так и не смогли решиться в других областях перейти на работу по западному образцу, но морально стало хуже, была потеряна самостоятельность. Другими словами – глаз потух.

К тому же были ликвидированы многие дополнительные выплаты, индексация заработной платы прекращена, если не считать издевательскую ежегодную прибавку в пределах ста рублей, чтобы соблюсти закон.

У власти укрепились экономисты, производственники были выдавлены с высших постов. Постепенно участие инженерно-технического состава в обучении, в семинарах,

конференциях, выставках было сведено к минимуму, а затем и вовсе прекращено.

Перманентная оптимизация (читай: «сокращение») тем не менее продолжалась, несмотря на возрастающий объем работ и рост доходов. Слово «оптимизация» настолько всех стало раздражать, что топ-менеджеры одно время пытались внедрить замену этому термину. Придумали слово «трансформация». К их чести, через некоторое время до них дошло, что это еще хуже, вызывает не только раздражение, но и смех, и вернулись к слову «оптимизация». Но что можно ожидать от управляющих, поставленных руководить электронно-технической корпорацией и неспособных отличить трансформатор от осциллографа?

Оптимизация и самая бесчеловечная ее форма (аутсорсинг) в некоторых областях (например, Тверская область) дошла до такого эксперимента, когда стали массово переводить на него не только хозяйственников и водителей, но и обслуживающий оборудование персонал, мол, пусть нанимаются, если хотят трудиться, в созданные частные фирмы, которые будут работать по договорам (естественно, за копейки и с сокращением или полным отсутствием социального пакета – надо же содержать посаженных снимать с этого сливки). Результат – в области получили проблемы со связью. Кое-кто поплатился должностью, но это не очень высокого полета птицы.

В 2017 году для руководства ПАО «Ростелеком» акцио-

неры привлекли топ-менеджеров с опытом работы в одном из ведущих банков. Естественно, что руководить банком и производством – это, предположительно, по их мнению, одно и то же.

Далее они купили одного сотового оператора, так и не попавшего в ведущую тройку, кстати, некогда бурно развивающегося, а сегодня добитого конкурентами, собственными акционерами и оптимизированного почти до полной неспособности персонала обслуживать свое оборудование.

В 2018 году значительный объем по эксплуатации оборудования этого сотового оператора поэтапно в приказном порядке стали вменять нашим филиалам, нимало не заботясь об увеличении численности работников.

До этого мы и сами запускали множество новых видов связи и телекоммуникаций, приносящих значительные прибыли компании и увеличивающих наши трудозатраты по их эксплуатации, но никогда не имели от этого ни денежной компенсации, ни увеличения числа работников. Все проедали ненасытные акционеры и их прикормленные верхние менеджеры.

Напротив, в тех условиях стоило немало сопротивления и нервных клеток, чтобы отстоять свое подразделение. Систематически приходилось, в том числе, выдвигать предложения по комплексному решению, выходящему за рамки своей сферы деятельности, что подогревало проблему, с ней соглашались, но резервы предлагали черпать из имеющих-

ся. Имеющихся лишних резервов ни у кого не было – и все спускали на тормозах. Это давало передышку, от тебя в каких-то вещах на время отставали, и они где-то до времени зависали, т.е. до следующего форс-мажора.

И так далее, пока не появилась эта из ряда вон выходящая сделка. Справедливости ради надо сказать, что энергетический цех в связи с присоединением этого сотового оператора никаких дополнительных функций не получил. Года за три до этого генеральная дирекция дважды проводила опросы с целью выяснить резервы для помощи в техническом обслуживании оборудования сотовых компаний, в том числе и большой тройки, к тому времени уже загнанной в трудное положение бесконечными оптимизациями. Я документально подтверждал полное отсутствие резервов для этих целей. Не знаю, что заявлял в тот период начальник линейного цеха, но теперь он получил значительный дополнительный объем работ.

Однако, кроме этого, филиал в целом получил задачу на обеспечение аварийного электроснабжения объектов-ретрансляторов с использованием приобретенных для этого передвижных электростанций. Таких объектов насчитывалась не одна сотня, разбросанная по всей области, а отключение штатного электроснабжения, мягко говоря, явление не редкое.

Работы предлагалось проводить якобы в добровольном порядке с оформлением людьми договоров гражданско-пра-

вового характера. Говорю «якобы», поскольку за те деньги, которые предлагались в качестве оплаты, уважающий себя человек работать не станет. На самом деле надо было обязать начальников, используя их административный ресурс, заставить своих работников трудиться сверх нормы за символическое вознаграждение.

Для меня как начальника цеха выделять работников для выполнения этой задачи не представлялось возможным, т.к. вело к срыву плановых и других работ на своем оборудовании и сетях. Согласиться на использование своего персонала в нерабочее время с его (персонала) якобы согласия мне также было нельзя, поскольку человек, проведший ночь в поле, на следующий день работник никакой и его либо надо отпускать домой, либо не допускать до работ, львиная доля которых относится к опасным или работам с повышенной опасностью. Кроме того, у нас и своих объектов, куда более крупных, была не одна сотня, которые мы обеспечивали и стационарными, и передвижными электростанциями в аварийном режиме.

Я понимал, что задачу эту никто с филиала снять не сможет и она все равно ляжет на другие подразделения, и тем не менее выразил в письменном виде аргументы о невозможности выделять персонал для этой задачи в рабочее время, а работникам предложил написать заявления о том, что каждый из них не имеет возможности выполнять работы по договорам ГПХ в нерабочее время, что они и сделали. От свое-

го непосредственного начальника я услышал в ответ, что это очень плохо.

Далее я понял: руководство филиала попало под такой прессинг генеральной дирекции, что с ним уже не получится решать вопросы, как это было раньше. Не желая идти на поводу у тех, кто игнорирует безопасность производства, права работников и думает, что бессовестная эксплуатация ответственности нижестоящих начальников это нормально, я посчитал, что в свои 64 года я имею полное право подать заявление об увольнении. Далее большинство из моих работников пошли в отдел кадров и заказали копии трудовых книжек с целью поиска работы. Это несколько отрезвило руководство и побудило искать выход, к сожалению, за счет других подразделений.

Те из моих работников, кто документально зафиксировал свой отказ от данных работ и обозначил решимость не поддаваться, более к этой задаче не привлекаются. Это доказывает две вещи:

надо всегда сопротивляться, знать и грамотно защищать свои законные права;

в руководстве нашего филиала, как я уже говорил ранее, много нормальных людей, не желающих сводить счеты за несогласие с несправедливостью.

Несмотря ни на что здесь осталась почти половина моей трудовой жизни, проведенная с огромным удовольствием, наполненная смыслом и множественными успехами. Тот

случай, когда хочется бежать на работу, а потом с работы возвращаться в домашний уют, где ждет любимая боевая подруга, которая всегда с теплотой отзывалась о моих ребятах и они отвечали ей тем же.

О чем можно еще мечтать, если все, на чем ты воспитан с детства и о чем мечтал, полностью осуществлялось. В лучших армейских традициях мы с супругой прошли интересную армейскую школу и все, что было позже. Она держала мой тыл и рядом со мной, и вдали. Во всех случаях это придавало мне сил и уверенности. Служба, работа и семья никогда не разделялись. Это и есть счастье, эталон которого в моем случае родом из детства. Тогда зародилась романтика воинской службы, а среди моих друзей видел много крепких семей.

Выполняя разные задачи на просторах Советского Союза и в самых сложных условиях, меня всегда переполняло чувство гордости, причастности к лучшей армии мира. Всегда хватало напора дожать любое дело до конца, несмотря ни на что, поскольку воспитан среди профессиональных военных-фронтовиков, а у них никакие отговорки и ссылки на трудности не проходили. Тут я нисколько не боюсь быть высокопарным и не пытаюсь обмануть – могу дать «честное пионерское», поскольку остался в том чистом детстве навсегда.

С удовольствием, например, вспоминаю, как нас непогодой отрезало в Алтайском крае на радиопередающем центре от элементарных условий. В декабре целый день лил силь-

ный дождь, а на следующий день ударил мороз за двадцать градусов. Скважину воды залило и разморозило, котельная встала, дороги и поля обледенели, утром машину отправили за водой в село Топчиха, что в двух километрах от нас, и она смогла вернуться только к вечеру. Мы нашли пару электрических обогревателей, чтобы установить их в помещении, где спали солдаты, а сами с моим коллегой Геннадием Гукаловым несколько дней ночевали в промороженной комнате в шапках, шинелях, обложившись матрасами, и даже не имели мысли, что может быть иначе, т.е. всегда было правилом сначала обустроить солдат. А подайте-ка сюда тех репортеров и корреспондентов, которые любят вещать о том, что в Советской Армии обижали срочников!

Также вспоминаю северный Казахстан, где полгода мотался по ракетным площадкам, участвуя в их реконструкции. В городе Державинск, где находился штаб дивизии и жилой городок, мне выделили комнату в бараке, где я ночевал, если не оставался на площадках, которые были на расстоянии более ста километров. Во всем бараке я жил один, всю остальную площадь занимал склад. В первый же день я понял, что тут живут крысы, т.к. оставленная на десять минут буханка хлеба была проедена насквозь. Ночью я выключил свет и лег спать. Тут же по топоту понял, что пришла крыса. Я взял сапог и с силой бросил его так, что он каблуком громко ударил об пол. Крыса убежала и больше меня не тревожила. В следующий раз все повторилось, я бросил сапог – и она также

исчезла. Далее не было ни одного раза, чтобы этот ритуал претерпел хоть какое-то изменение. Она каждую ночь приходила и всегда после полета сапога исчезала. Говорят они умные – я охотно верю.

В Азербайджане ел собаку, которую мой коллега Анатолий Григорьев застрелил, не выдержав голодухи, – не очень хорошо там было с питанием. Иногда приходилось вносить деньги и становиться на довольствие, чтобы питаться от солдатской кухни, но, как правило, это было редко и не всегда возможно. Работа была связана с разъездами по всей территории. Мы занимались устройством линии связи через горы, долины и горные реки для передачи цифровой информации от Габалинского «Дарьяла» до Баку и далее к Центру управления, что под Москвой. В горных селениях, да и в небольших городах с продовольствием было не очень хорошо. В каждом селении была, как минимум, одна чайхана, иногда там позволяли себе обедать, но не часто. Стоило это очень дорого – от трех до пяти рублей. Зато чай попить в чайхану заходили почаще. Маленький фарфоровый чайник, томящийся на углях, стоил 50 копеек. На столах всегда стояла сахарница с колотым рафинадом. К чаю подавали стеклянные стаканчики в виде колбочек, из них надо было пить вприкуску с сахаром. Если размешать сахар в стакане – могли сделать замечание за нарушение этикета. Чай везде был удивительно вкусным, а азербайджанские мужчины (женщин там не видел) могли сидеть за чаепитием в чайхане часами, по-

добно немцам в гаштетах за кружкой пива.

Много было всяких чудес, но самое главное – всегда было ощущение, что жизнь интересна и она удалась. Всегда с сожалением смотрел на людей, которые приоритетом выбрали зажиточное обустройство, хотя и более комфортное, но, с моей точки зрения, скучное. Но это только с моей точки, а у жизни этих точек очень много. Но, что несомненно, – это рожденные жизнью заповеди и взятые мной у нее, нарушение которых ведет как раз не к ощущению удачи, а к пустоте. Вот основные их них:

никогда никому не завидуй, поскольку, оказавшись в чужой шкуре, через короткое время запросишься обратно;

никогда не хитри, если кто-то за это должен заплатить нервами, здоровьем или просто волнением, – хитрость здесь граничит с подлостью;

никого не «грузи» попусту, делай дело так, чтобы люди не видели твои трудности;

не заставляй силой себя уважать и не жалуйся на неуважение – пожнешь ровно обратное;

никогда не испытывай комплекс: «Чем я хуже?» – все люди разные и каждый может быть в чем-то хуже другого;

сопротивляясь чему-либо, никогда не режь «правду с плеча», не старайся тут же найти виноватых – это никогда не помогает, но, предвидя неладное, загодя позаботься и организуешь защиту от нехорошего.